

Ю НЕСБЁ

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ

КОРОЛЕВСТВО

ДВА БРАТА. ОДНА КРОВЬ.
СЛИШКОМ МНОГО ТАЙН.

Ю Несбё

Королевство

Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62194227

Королевство: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2020

ISBN 978-5-389-18802-0

Аннотация

В норвежском городке, затерянном в горах, течет сонная, мирная жизнь. И она вполне устраивает Роя, который тут родился и вырос, но на его пороге появляется возмутитель спокойствия – младший брат Карл, успешный, предприимчивый, дерзкий. Он приехал со своей новой женой, довольно странной особой, – и с грандиозными планами строительства отеля в целях возрождения города. Но, во-первых, на поверку планы Карла оказались далеко не так благородны, во-вторых, Рой понимает, что его неудержимо тянет к жене брата, в-третьих, темные тайны прошлого, казалось похороненные навсегда, начинают всплывать на поверхность... Тихий мирок Роя рушится, и скоро ему придется выбирать между своей верностью семье и будущим, в которое он никогда не смел поверить. Впервые на русском!

Содержание

Пролог	5
Часть I	12
1	12
2	26
3	48
4	66
Часть II	91
5	91
6	97
7	110
8	120
9	132
10	148
11	158
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Ю Несбё Королевство

Jo Nesbø KONGERIKET

Copyright © Jo Nesbø 2020

Published by agreement with Salomonsson Agency

All rights reserved

© А. В. Наумова, Д. А. Гоголева, перевод, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Пролог

Это случилось в тот день, когда умер Дог.

Мне было шестнадцать лет, Карлу – пятнадцать.

За несколько дней до этого папа показал мне охотничий нож, которым я потом и убил Дога. У ножа было широкое лезвие с насечками, блестевшее на солнце. Отец сказал: насечки для того, чтобы по ним стекала кровь, когда добычу разделываешь. Карл побледнел, и папа спросил, не укачало ли его опять. По-моему, именно в тот момент Карл вбил себе в голову, что ему непременно надо кого-нибудь подстрелить – все равно кого – и разделать, разрезать на отстойные мелкие кусочки, надо значит надо.

– А потом я его зажарю, и мы съедим, – сказал он, когда мы стояли возле амбара, а я ковырялся в двигателе папиного «кадиллака-девиля», – он, мама и мы с тобой. Ладно?

– Ладно. – Я повернул распределитель, стараясь отыскать точку завода.

– И Догу тоже дадим, – добавил он, – на всех хватит.

– Ясное дело, – поддакнул я.

По словам папы, он дал Догу такое имя, потому что в спешке не придумал ничего получше. Но мне кажется, это имя он просто обожал. Оно сообщает о своем владельце лишь самое необходимое и звучит так по-американски, как это бывает только с норвежскими именами. И в псине отец

тоже души не чаял. Подозреваю, он охотнее бы с ней время проводил, чем с людьми.

Ферма наша в горах, может, и небогатая, но тут шикарные виды и природа – этого вполне достаточно, чтобы папа называл ее своим королевством. Копаясь день за днем в «кадиллаке», я наблюдал, как Карл бродит по округе, захватив с собой отцовскую собаку, отцовское ружье и отцовский нож. Я видел, как фигурка брата превращается в крапинку на заснеженном горном склоне. Вот только выстрелов никаких я не слышал. Вернувшись на ферму, Карл вечно говорил, что птиц не попадалось, я тоже помалкивал, хоть и видел, как там, где бродили Карл с Догом, одна за другой взлетают куропатки.

А потом в один прекрасный день выстрел все-таки прогремел.

Я вздрогнул так, что ударился башкой о крышку капота. Вытер машинное масло и взглянул на поросший вереском склон горы. Эхо покатилося дальше, будто гром, к деревне на берегу озера Будалсваннет. Минут через десять я увидел бегущего Карла. Приблизившись к дому на некоторое расстояние, он сбавил скорость – видимо, не хотел, чтобы его увидели мама с папой. Дога с ним не было. И ружья тоже. Догадываясь, что произошло, я двинулся ему навстречу, а он, заметив меня, развернулся и медленно побрел в обратном направлении. Когда я нагнал Карла, щеки у него были мокры от слез.

– Я попытался, – всхлипывал он, – они прямо перед нами взлетели, их так много было, и я прицелился, но не получалось, и все тут. Но я подумал: надо, чтоб вы услышали, что я, по крайней мере, попытался, поэтому я опустил ствол и выстрелил. Потом птицы разлетелись, я посмотрел вниз, а там Дог лежит.

– Он умер? – спросил я.

– Нет, – Карл заплакал сильнее, – но он... он умирает. У него из пасти кровь течет и глаза в кучку. Он скулит и трясется.

– Побежали, – сказал я.

Спустя несколько минут мы были на месте, и я увидел, как в кустах что-то дернулось. Хвост. Хвост Дога – пес нас учуял. Мы остановились рядом с ним. Глаза у собаки были похожи на раздавленные яичные желтки.

– Он не жалец, – заключил я. Ветеринар я не сказать чтоб особо прошаренный – до ковбоев в вестернах мне далеко, но даже если б Дог каким-то волшебным образом и выжил, то жизнь у слепой охотничьей такая, что не позавидуешь. – Придется тебе пристрелить его.

– Мне? – выкрикнул Карл, будто не понимая, как это я вообще додумался предложить, чтобы он, Карл, лишил кого-то жизни.

Я посмотрел на него. На моего младшего брата.

– Давай нож, – скомандовал я.

Он протянул мне отцовский охотничий нож.

Я положил руку Догу на голову, и тот лизнул меня в подмышку. Ухватив его за кожу на затылке, я полоснул ножом по горлу, но чересчур осторожно, поэтому ничего не произошло. Дог лишь дернулся. У меня получилось только с третьей попытки. Бывает, разрежешь пакет с соком слишком низко – и сок выплескивается наружу. Так было и сейчас: кровь будто не могла дождаться, когда же ее выпустят.

– Ну вот...

Я разжал пальцы, и нож упал в вереск. Насечки были полны крови, и я подумал, что, может, брызги и на лицо мне попали, потому что по щекам текло что-то теплое.

– Ты плачешь, – сказал Карл.

– Отцу не рассказывай, – попросил я.

– Что ты плакал?

– Что ты не смог убить... не смог ему горло перерезать. Скажем, что решили мы вместе, но сделал это ты. Ладно?

Карл кивнул:

– Ладно.

Тело собаки я взвалил на плечо. Оно оказалось тяжелее, чем я думал, и все время сползало то назад, то вперед. Карл вызвался было мне помочь, но, когда я отказался, посмотрел на меня с явным облегчением.

Я опустил пса на землю перед дверью в амбар и, войдя в дом, позвал папу.

Пока мы шли к амбару, я выложил ему придуманную вер-

сию случившегося. Ничего не сказав, отец опустился на корточки возле своей собаки и кивнул, словно нечто подобное предвидел, вроде как он сам во всем и виноват. Потом он встал, поднял мертвого пса и забрал у Карла ружье.

– Пошли. – Он направился наверх, на сеновал.

Дога он положил на сено, встал на колени, наклонился и пробормотал что-то – было похоже на куплет из американского псалма. Я смотрел на отца. Я всю свою короткую жизнь смотрел на него, но таким никогда не видел. Разбитым всмятку. Да, так он и выглядел.

Он повернулся к нам, по-прежнему бледный, но губы больше не дрожали, а во взгляде было прежнее спокойствие.

– Вот мы и остались одни, – сказал он.

Так оно и было. Хотя папа никогда никого из нас не бил, Карл рядом со мной съезжился. Отец погладил дуло ружья.

– Кто из вас... – Он умолк, подбирая слова, и все поглаживал дуло. – Кто из вас... перерезал глотку моей собаке?

Карл испуганно кивал, будто заведенный. А затем открыл рот.

– Карл, – ответил я, – но это я ему велел, я сказал, что он сам должен это сделать.

– Вон оно как... – Папа перевел взгляд с Карла на меня и обратно. – Знаете что? Сердце мое плачет. Оно плачет, и утешение у меня осталось лишь одно. Знаете какое?

Мы молчали, потому что, когда папа задает такие вопросы, ответа он не ждет.

– У меня двое сыновей, и сегодня они показали себя мужчинами – вот мое утешение. Они берут на себя ответственность и принимают решения. Муки выбора – известно вам, что это такое? Когда сам выбор причиняет тебе мучения, а не то, что выбираешь. Когда знаешь – что бы ты ни выбрал, потом все равно будешь ворочаться ночами и ломать голову, правильный ли выбор сделал. Вы могли бы ничего не решать, но вступили в схватку с выбором. Оставить Дога мучиться или позволить ему умереть и сделаться убийцами. Чтобы не спасовать перед таким выбором, нужно мужество, – он вытянул свои огромные руки и положил одну мне на плечо, а вторую – на плечо Карла; его голосу проповедник бы позавидовал, – и наша способность выбрать не путь безволия, а путь высшей морали как раз и отличает человека от животных. – В глазах у него блеснули слезы. – Да, я раздавлен, но вами, ребята, я горжусь.

Высказывание это было не только трогательным – я не мог припомнить, чтобы отец когда-нибудь был таким многословным. Карл захлюпал носом, да и у меня к горлу комок подкатил.

– А сейчас пойдемте расскажем обо всем маме.

Этого нам не хотелось. Когда отец забивал козу, мама надолго уходила и возвращалась всегда с покрасневшими глазами.

По дороге к дому папа приостановил меня, так что Карл оказался чуть впереди.

– Пока мы ей не рассказали, лучше тебе хорошенько руки вымыть, – сказал он.

Я поднял взгляд, готовый принять на себя удар, но лицо у отца было добрым и слегка отстраненным. А затем он погладил меня по голове. На моей памяти он никогда этого не делал. И позже не делал тоже.

– Мы с тобой, Рой, ты и я, мы похожи. Мы сильнее таких, как мама и Карл. Поэтому должны о них заботиться. Всегда. Понимаешь?

– Да.

– Мы семья. Больше нам никто не поможет. Ни друзья, ни любимые, ни соседи, ни односельчане, ни государство – все это обман, и, когда станет совсем туго, ни хрена они не сделают. Тогда мы окажемся против них. Мы против всех и каждого. Ясно?

– Да.

Часть I

1

Я сперва услышал его и лишь потом увидел.

Карл вернулся. Не знаю, почему я вспомнил Дога, с тех пор двадцать лет прошло, но, возможно, я заподозрил, что внезапным возвращением Карла я обязан тому же, что и в тот раз. Что и всегда. Хочет, чтобы старший братец помог ему. Я стоял во дворе, поглядывая на часы. Половина третьего. Он прислал мне сообщение и этим ограничился, сказал, что подъедет к двум. Однако мой младший братишка всегда был оптимистом и обещал чуть больше, чем делал. Я обвел взглядом окрестности. Те, что не заволокло туманом. Горный склон по другую сторону долины словно высовывался из серого моря. Деревья там, наверху, уже становились осеннему красноватыми. Небо надо мной было синим и ясным, как взгляд невинной девушки. Воздух чистый и вкусный, и если я резко вдыхал его, то в легких покалывало. Казалось, будто, кроме меня, в мире никого нет и целый мир в моем распоряжении. Хотя, скорее, не вот прямо весь мир, а гора Арарат и ферма на ней. Порой туристы поднимаются по извилистой дороге из деревни, чтобы посмотреть, какой отсюда открывается вид, и тогда они рано или поздно

оказываются у меня во дворе. И часто спрашивают, сажаю ли я что-нибудь в огороде. Придурки называют мою ферму огородом, потому что, видать, думают, что настоящая ферма – это такая, как в долинах, с огромными полями, амбарами-переростками и здоровенными, бросающимися в глаза домами. Они не представляют, во что буря в горах способна превратить излишне высокую крышу или чего стоит протопить просторное помещение, когда за окном минус тридцать и ветер. Они не соображают, чем возделываемая земля отличается от пастбища, не знают, что высокогорная ферма – это прежде всего пастбище для скота, настоящее пустынное королевство, намного более привольное, чем золотые от зерновых поля – предмет тщеславной гордости низинных фермеров.

Я пятнадцать лет жил тут один, но теперь моему одиночеству, получается, пришел конец. Внизу, в тумане, заревел восьмицилиндровый двигатель – довольно близко, значит они уже проехали Японский поворот в середине дороги. Водитель давил на газ, потом резко сбавлял ход, поворачивал на следующий виток серпантина и снова давил на газ. Ближе и ближе. Было очевидно, что с этими поворотами он знаком. А сейчас, вслушиваясь в шум мотора, в глубокие вздохи, когда водитель газовал, низкое бурчание, свойственное лишь «кадиллакам», я узнавал «девилъ». Такой же, как та здоровенная отцовская колымага. Ну, ясное дело.

Наконец из-за Козьего поворота показалась сердитая ре-

шетчатая морда «девиля». Черный, но модель поновее, по моим прикидкам – года 1985-го. А звук, ты глянь, такой же.

Машина остановилась около меня, и стекло возле водительского сиденья опустилось. Я надеялся, что мне удалось не подать виду, но сердце мое взволнованно отштамповывало ритм. Сколько за эти годы отправили мы друг дружке писем, эсэмэсок и мейлов? Сколько раз перезванивались? Немного. И тем не менее ни единого дня не проходило, чтобы я не думал о Карле. Так и есть. Но лучше уж тосковать по нему, чем разгребать Карловы проблемы. Он постарел – это первое, что бросилось мне в глаза.

– Прошу прощения, господин хороший, это ферма знаменитых братьев Опгارد?

И он широко улыбнулся. Улыбнулся своей доброй, неотразимой улыбкой, которая словно стерла с его лица все эти годы, а календарь перелистнулся на пятнадцать лет назад. Вот только взгляд был каким-то выжидающим, как будто Карл проверял, стоит ли заходить в воду. Мне улыбаться не хотелось. Пока еще рано. Но удержаться не получилось.

Дверца распахнулась. Он раскинул руки и принял меня в свои объятия. Что-то подсказывало мне, что надо бы наоборот: это я, старший брат, должен распахнуть объятия тому, кто вернулся в родовое гнездо. Однако по пути наши с Карлом роли утратили ясность. Он вырос крупнее меня – и телом, и как личность, – по крайней мере, когда мы оказывались в компании других людей, тон задавал Карл. Я прикрыл

глаза, вздрогнул и втянул носом воздух, запах осени, «кадил-лака» и моего младшего братишки. От него пахло, как это называется, мужским парфюмом.

Пассажирская дверца открылась.

Карл выпустил меня из объятий и, обойдя длинный капот, подвел к девушке, вставшей лицом к долине.

– Здесь очень красиво, – проговорила она.

Фигурка маленькая и щуплая, зато голос низкий. Говорила она с акцентом и с интонацией ошиблась, ну хоть по-норвежски, и то ладно. Интересно, не по пути ли сюда она эту фразу отрепетировала – решила небось, что непременно ее произнесет, даже если думать будет иначе. Потом она повернулась ко мне и улыбнулась. Первое, что я увидел, – это белое лицо. Не бледное, а белое как снег, который отражает свет, так что контуры разглядеть сложновато. Второе – это веко. Веко на одном глазу было опущено, точно штора, как будто девушка наполовину спала. Но другая половина казалась вполне себе бодрой. Из-под коротенькой огненно-рыжей челки на меня смотрел живой карий глаз. На девушке было простое черное пальто, даже не приталенное, да и под пальто никаких особых форм не угадывалось. Из-под него выглядывал высокий воротник черного свитера. Если особо не вглядываться, то ни дать ни взять парнишка, сфотографированный на черно-белую пленку, только волосы потом раскрасили. Женщин себе Карл выбирал тщательно, поэтому я, честно сказать, слегка удивился. Не то чтобы она уродина

была, нет, вполне себе миленькая, но красивой бабенкой, как у нас тут говорят, ее не назовешь. Она по-прежнему улыбалась, зубы на фоне кожи выделялись не очень, потому что тоже были белые. И Карл у нас белозубый, всегда такой был в отличие от меня. Он еще все юморил, мол, это потому, что он улыбочивый, вот зубы на солнце и выгорели. Может, эти двое и выбрали друг дружку благодаря зубам? Да и вообще они похожи были. Правда, Карл высокий и плотно сбитый, однако сходство я сразу углядел. В обоих было нечто – как там это называется – жизнеутверждающее. Нечто радостное, будто они жаждут видеть в окружающих и в самих себе только самое лучшее. Впрочем, чего это я разошелся, я же даже незнаком с этой девчонкой-то.

– Это... – начал Карл.

– Шеннон Аллейн, – прозвучал альт, и она протянула мне руку, такую крошечную, прямо как куриная лапка.

– Опгард, – гордо добавил Карл.

Шеннон Аллейн Опгард сжимала мою руку дольше, чем мне того хотелось. В этом я тоже узнал Карла. Некоторые желают нравиться другим.

– Джетлаг? – спросил я и сразу же пожалел, почувствовав себя идиотом. Не потому, что я не знаю, что такое джетлаг, просто Карлу-то известно, что я в других часовых поясах сроду не бывал, поэтому ответ для меня все равно прозвучит бессмысленно.

Карл покачал головой:

– Мы два дня назад приземлились. Машину ждали – она паромом пришла.

Я кивнул и взглянул на номера. МС. Монако. Экзотика, но не настолько, чтобы просить его отдать мне номерной знак, когда Карл решит перерегистрировать машину. На заправке, у меня в кабинете, висят старые автомобильные номера Французской Экваториальной Африки, Бирмы, Басутоленда, Британского Гондураса и Джохора. Не комар чихнул.

Шеннон перевела взгляд с Карла на меня и снова на Карла. Улыбнулась. Уж не знаю чему, может, ей просто приятно было, что Карл со своим старшим братом, единственным его близким родственником, смеются. И что едва заметное напряжение исчезло. Что его – что их – с радостью примут в родном доме.

– Покажешь Шеннон дом, пока я чемоданы вытащу? – спросил Карл и открыл, как папа называл его, *задок*.

– Пока вытаскиваешь, как раз весь дом и покажу, – пробормотал я, и Шеннон зашагала следом.

Мы обогнули дом с северной стороны и подошли к главному входу. Честно говоря, не знаю, почему папа не сделал дверь со стороны двора и дороги. Может, потому, что любил каждое утро смотреть на наши пастбища. Или потому, что лучше уж солнечной пусть будет кухня, а не коридор. Мы перешагнули через порог, и я открыл первую из трех дверей

в коридоре.

– Кухня, – сказал я и заметил вдруг, как сильно тут пахнет прогорклым жиром. Неужто здесь всегда так?

– Чудесно! – восхитилась она.

Ну, вообще-то, я слегка прибрался и даже пол помыл, но «чудесно» от этого там не стало. Вытаращив глаза и, кажется, слегка встревоженно она оглядела трубу, которая тянулась от печки к выпиленной в потолке дыре и уходила на второй этаж. Вокруг трубы был оставлен зазор, чтобы доски не загорелись, причем отверстие было таким круглым, что папа называл его столярным шедевром. Шедевров таких на ферме три штуки – эта и еще две такие же круглые дыры в уличном сортире.

Я щелкнул выключателем – показать, что у нас тут, несмотря ни на что, имеется электричество.

– Кофе? – предложил я и открыл кран.

– Спасибо, лучше чуть позже.

По крайней мере, вежливые фразы освоила.

– Тогда для Карла сварю.

Я открыл дверцу шкафа, порылся внутри и вытащил кофейник. Я, между прочим, настоящий молотый кофе купил впервые за... за долгое время. Мне самому и растворимого хватало. Я сунул кофейник под кран и понял, что по привычке открыл горячую воду. Уши у меня запылали. Но кто, собственно, сказал, что растворимый кофе, залитый горячей водой из-под крана, – это тоска зеленая? Кофе – он и есть

кофе, а вода – она и есть вода.

Я поставил кофейник на плиту, повернул выключатель и, сделав два шага, оказался в одной из двух комнат, между которыми воткнулась кухня. С западной стороны располагалась столовая, зимой запертая и таким образом защищавшая дом от западного ветра, так что ели мы в это время на кухне. На восточную сторону выходили окна гостиной, где у нас стояли шкафы с книгами, телевизор и еще одна печка. С юга же папа соорудил помещение, ставшее единственной в нашем доме изюминкой, – застекленную террасу, которую он сам называл балконом, а мама – зимним садом, хотя зимой, ясное дело, террасу запирали, а ставни там закрывали. Зато летом папа частенько сидел там, посасывая снюс «Берри» и выпивая пару «Будвайзеров» – иногда он и такую слабость себе позволял. За этим бесцветным американским пивом он ездил в город, а порционный жевательный «Берри» ему один наш американский родственник аж из-за океана присылал. Папа довольно рано объяснил мне, что, в отличие от шведского дерьмеца, американский снюс во время обработки проходит процесс брожения, поэтому и вкус чувствуется. «Это как бурбон», – говорил папа. По его словам, норвежцы употребляют шведское дерьмецо только оттого, что ничего не понимают. А вот я теперь понимаю, поэтому когда начал жевать снюс, то сразу «Берри». Мы с Карлом обычно подсчитывали пустые бутылки, которые папа ставил на подоконник. Мы знали, что выпей он больше четырех – впол-

не может зареветь, а видеть своего отца плачущим никому неохота. И если подумать, наверное, поэтому я редко выпиваю больше чем пару пива. Не хочу разреветься. Карл от спиртного делался веселым, поэтому ему ограничивать себя не приходилось.

Я думал об этом, пока мы поднимались по лестнице, но вслух ничего не сказал. Я показал Шеннон большую спальню, которую папа называл «the master bedroom»¹.

– Фантастика, – похвалила она.

Потом я продемонстрировал ей новую ванную, – вообще-то, она не особо новая, но в доме у меня ничего новее все равно нет. Расскажи я ей, что выросли мы без ванной, она, наверное, не поверила бы мне. А ведь мылись мы на кухне и воду грели на печке. Ванная появилась после того, как появилась дорога. Если написанное Карлом правда, что она родом с Барбадоса, из семьи, у которой хватило денег отправить ее в колледж в Канаде, ей, разумеется, будет сложно представить, каково это – зима, холодрыга, а вы с братом стоите над корытом и моетесь в одной воде одновременно. Зато у папы, как это ни удивительно, во дворе стоял «кадиллак-девиль», машина шикарная, даже чересчур.

Дверь в нашу с Карлом спальню, видать, разохлась, и я с силой дернул за ручку. В нос нам ударил поселившийся в спертом воздухе запах воспоминаний, какой бывает в платяном шкафу со старой одеждой, о которой давным-давно

---

¹ «Хозяйская спальня» (англ.).

позабыли. У одной стены стоял письменный стол, а с двух его сторон, друг против друга, два стула. У противоположной стены – двухъярусная кровать во всю стену, а ближе к изножью кровати из пола торчала труба – та, что тянулась из кухни.

– Вот тут мы с Карлом жили, – сказал я.

Шеннон кивнула на кровать:

– И кто спал наверху?

– Я, – ответил я, – потому что я старший. – И провел пальцем по пыльной спинке стула. – Сегодня сюда перееду. А большая спальня тогда ваша.

Она испуганно уставилась на меня:

– Но, Рой, дорогой, мы же не хотели...

Я старался смотреть на ее открытый глаз. Карие глаза, когда у тебя рыжие волосы и белая кожа, – это как-то странно-вато, нет?

– Вас двое, а я один, так что все путем. Пойдет?

Шеннон снова обвела взглядом комнату.

– Спасибо, – поблагодарила она.

Я вышел и прошел вперед, в комнату мамы с папой. Тут я хорошенько проветрил. Как бы от людей замечательно ни пахло, мне такие запахи не нравятся. Кроме как у Карла. Запах у Карла если и не приятный, то правильный. От него пахнет мной. Нами. Зимой, когда Карл болел – а это то и дело случалось, – я ложился к нему под бок. И запах у него был такой же, как обычно, хоть кожа и была в засохшей испари-

не, а изо рта пахло рвотой. Я вдыхал запах Карла и, дрожа, прижимался к его раскаленному телу, восполняя тепло, которого моей собственной тушке так недоставало. Когда у одного жар, для другого это вроде печки-буржуйки.

Шеннон подошла к окну и посмотрела наружу. Пальто она не расстегивала – ей, видать, в доме было холодно. В сентябре. Чего же тогда зимой-то ждать? Я слышал, как Карл затаскивает чемоданы наверх по узенькой лестнице.

– Карл говорит, вы небогатые, – сказала она, – но все, что видно из окна, принадлежит тебе и ему.

– Так и есть. Но это ж все пастбище.

– Пастбище?

– Эта земля не обрабатывается, – на пороге, улыбаясь и отдуваясь, стоял Карл, – тут разве что овец с козами пасти можно. На горных фермах мало чего вырастишь. Как видишь, тут и деревьев негусто. Но мы горизонт оживим. Что скажешь, Рой?

Я медленно кивнул. Медленно – так, как, помнится, кивали взрослые фермеры в моем детстве, и я еще думал, будто внутри, за их морщинистыми лбами, происходит столько всего сложного, что нашего убогого сельского языка просто не хватает, чтобы это выразить. К тому же казалось, что они друг дружку и без слов понимают, эти взрослые кивающие мужчины, иначе почему если один закивает, то вскоре и другой кивать принимается? А теперь я и сам так же медленно киваю. Вот только соображаю я не намного лучше, чем тогда.

Я, естественно, мог бы спросить Карла напрямую, но ответа все равно не дождался бы. Ответами он меня засыпал бы, но честного ответа я бы не получил. И возможно, мне он и не требовался, я был лишь рад, что Карл вернулся, и не собирался задалбывать его этим вопросом. С чего ему вообще вздумалось вернуться?

– Рой такой добрый, – сказала Шеннон, – поселил нас в этой комнате.

– Ты же вряд ли собирался жить в детской, – сказал я.

Карл кивнул. Медленно.

– У меня для тебя подарок не такой шикарный. – Он протянул мне здоровенную коробку.

Что в ней, я понял сразу. Американский порционный снюз.

– Черт, как же я рад тебя видеть, братишка...

Голос у Карла сорвался, а сам он подошел и обнял меня. На этот раз по-настоящему. Я тоже его обнял. Он стал мягче и рыхлее. Карл прижался ко мне щекой, слегка царапнув щетиной по коже, хотя он явно недавно брился. Пиджак шерстяной, на ощупь плотный и приятный. И рубашка – их он вообще прежде не носил. Даже речь изменилась, теперь он говорил, как горожанин. Когда-то мы с ним, подражая маме, тоже пытались так говорить.

Но ничего страшного в этом не было. Пахло от него, как прежде. Он пах Карлом. Отстранившись, он оглядел меня. В его по-девчоночьи красивых глазах блестели слезы. Черт, да

у меня самого глаза тоже были на мокром месте.

– Я там кофе затеял, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, и зашагал к лестнице.

Тем вечером, улегшись спать, я прислушивался. Сейчас, когда в доме опять люди, зазвучит ли он иначе? Но нет. Дом, как обычно, поскрипывал, покряхтывал и посвистывал. Еще я прислушивался к голосам в хозяйской спальне. Слышимость тут хорошая, поэтому, хотя между нашими комнатами и была ванная, голоса я все равно слышал. Говорили ли они обо мне? Всегда ли его брат такой молчун – не об этом ли спросила Шеннон у Карла? И, как ему показалось, – понравилось ли Рою приготовленное ею чили кон карне? И понравился ли этому молчуну подарок, который она с таким трудом достала через родственников, – старый автомобильный знак с Барбадоса? И она сама – неужто его брату она вообще не понравилась? И Карл отвечал, что Рой со всеми такой, ему лишь требуется время, чтобы привыкнуть. Она, как она сама сказала, думает, что Рой ревнует, он наверняка считает ее разлучницей, отнявшей у него единственную ценность – младшего брата. А Карл рассмеялся и, погладив ее по щеке, сказал, что она тут всего день, а для подобных подозрений этого недостаточно и что все пройдет. И она положила голову ему на плечо и сказала, что он наверняка прав, но хорошо, однако, что он, Карл, на брата не похож. Странно, что в такой стране, как Норвегия, где и преступности-то, считай

что, нет, люди бывают такими подозрительными, словно боятся, что их со всех сторон облапошат.

А может, они трахались.

В маминой и папиной кровати.

Мне бы утром за завтраком спросить: «И кто был сверху? Небось, тот, кто старше?» – и посмотреть, как они рот разинут. А потом выйти на улицу, на резкий утренний холод, сесть в машину, поднять ручной тормоз, взяться за руль и смотреть, как приближается Козий поворот.

Снаружи слышалась птичья трель, красивая и печальная. Ржанка. Одинокая горная птичка, маленькая и серьезная. Птичка, которая летит следом, присматривает за тобой, но всегда держится на безопасном расстоянии. Как будто боится подружиться с кем-то, но при этом ей нужен кто-то, кому можно будет спеть про одиночество.

На заправку я приехал в половине шестого, на полчаса раньше, чем обычно по понедельникам.

Эгиль стоял за стойкой. Судя по виду, он совсем вымотался.

– Здравóво, начальник, – сказал он невыразительно. Эгиль – прямо как ржанка, у него все слова на одной ноте.

– Доброе утро. Тяжелая ночь?

– Нет.

Он как будто не понимал, что вопрос, как говорится, риторический. Я-то знал, что дачники разъезжаются в воскресенье вечером, а ночью бывает спокойно, и спросил я только потому, что пол возле бензоколонок был грязный. На круглосуточных заправках есть правило, согласно которому если дежурный один, то из здания он не выходит, но я терпеть не могу беспорядок и грязь, а тут есть кодла малолеток-лихачей – они у нас на заправке и хот-догами закидываются, и курят, и телочек клеят, так что после них и окурки валяются, и обертки, и даже на презервативы, бывает, наткнешься.

Впрочем, и хот-доги, и сигареты, и презервативы они на нашей же заправке и покупают, поэтому я малолеток не гоняю, пускай себе сидят в машинах и смотрят, как мир проносится мимо. Вместо этого я обязал ночную смену по возможности прибираться. В туалете для сотрудников я пове-

сил плакат, в который утыкаешься, когда садишься на унитаз. СДЕЛАЙ ТО, ЧТО ДОЛЖЕН. ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ. СДЕЛАЙ ЭТО СЕЙЧАС. Эгиль, видать, думает, что это про дерьмо, – мол, смой за собой, но я столько раз повторял про уборку и про ответственность, что он, скорее всего, мой намек про тяжелую ночь понял. Однако Эгиль мало того что устал – он обычный паренек лет двадцати, которого так часто шпыняют, что ему уже все по барабану. А когда хочешь, чтоб от тебя отвязались, то притвориться слегка тупоумным – тактика не самая глупая. Поэтому не исключено, что Эгиль не особо и тупой.

– Рано вы, начальник.

«Да уж, не успел ты возле колонок помыть, а теперь обмануть меня и сказать, что так всю ночь и было, не получится», – подумал я.

– Не спалось, – ответил я, после чего подошел к кассе и нажал кнопки учета выручки – так я закрыл кассовую смену. У меня в кабинете заработал принтер. – Иди домой отсыпаться.

– Спасибо.

Я прошел в кабинет и взглянул на вылезающий из принтера отчет. Неплохо. Похоже, работы в воскресенье было порядочно. Шоссе тут, может, и не самое оживленное в стране, но до следующей заправки по тридцать пять километров в любую сторону, поэтому мы – настоящий оазис для тех, кто мимо едет, особенно для возвращающихся домой дачников

с детьми. Под березами, откуда открывался вид на озеро Будалсваннет, я поставил пару столов со скамейками, и дачники ели там бургеры и булочки, запивая их газировкой, – как говорится, за обе щеки уплетали. Вчера мы почти три сотни булочек продали. Мне за выбросы углекислого газа не так стыдно, как за весь тот глютен, что я скормил этому миру. Я пробежался глазами по чеку и заметил, что Эгиль выбросил довольно много хот-догов. Это нестрашно, но, если сравнить с количеством проданных, получалось многовато. Эгиль уже переоделся и направился к двери.

– Эгиль?

Он вздрогнул и замер:

– Да?

– Там около второй колонки кто-то салфеток накидал.

– Сейчас все приберу. – Он заулыбался и вышел.

Я вздохнул. Найти толковых работников в такой крошечной деревушке – дело непростое. Умные уезжают учиться в Осло или Берген, деловые – зарабатывать в Нотодден, Шием или Конгсберг. А у тех, кто остается, таких как Эгиль, выбор небольшой. Выгони я его – и он сядет на пособие по безработице. Меньше хот-догов от этого он есть не станет, но ему придется за них платить. Говорят, что ожирение – проблема деревень. Оно и неудивительно – так и тянет утешить себя чем-нибудь съестным, когда топчешься на заправке, видишь тех, кто проезжает мимо, представляешь себе, в какие чудесные места они направляются, машины у них такие, на

какие у тебя сроду денег не будет, а с такими девчонками, как у них, тебе и заговорить смелости не хватит, разве что на деревенских танцах, да и то если напьешься в дымину. И все же придется мне с Эгилем поговорить. В головном офисе на всяких Эгилей плевать, им выручку подавай. И ничего не поделаешь. В 1969-м в Норвегии было чуть больше миллиона автомобилей и тысячи четыре автозаправок. Сорок пять лет спустя количество машин выросло в пять раз, а число заправок сократилось больше чем вполровину. В те времена жилось нелегко, да и нам не проще. И статистику я видел: в Швеции и Дании половина заправок – тех, что выжили, – уже полностью автоматизированы, и персонала там нет. Норвегия заселена так, что мы пока держимся, но заправщики и тут раса вымирающая. Вообще-то, нас и так стало мало. Когда в последний раз кто-то из нас заправлял вам машину? Вместо этого мы впариваем вам хот-доги, колу, надувные мячики для плавания, уголь для гриля, жидкость для мытья стекол и воду в бутылках, которая ничем не лучше той, что течет из крана, но эту зато прислали сюда из-за границы, и стоит она дороже, чем видеофильмы у нас на распродаже. Но я не жалею. Когда мне было двадцать три, я получил в наследство автомастерскую, а потом компания, владеющая сетью заправок, проявила к ней интерес – вовсе не потому, что у меня там две бензоколонки стояли, а благодаря расположению. Они сказали, что я молодец, долго продержался, все остальные автомастерские в окрестностях давно кони

двинули. А после предложили мне работу начальника запра-
вочной станции и кое-какую мелочовку за мастерскую. На-
верное, можно было и побольше выручить, но мы, Опгарды,
не торгуемся. Мне тогда еще и тридцати не было, а чувство-
вал я себя так, будто наконец в отставку ухожу. На деньги с
продажи я оборудовал на ферме ванную и переехал обратно
из крошечной квартирки, которую устроил прямо в здании
мастерской. На территории возле мастерской места было до-
статочно, поэтому компания отстроила рядом автозаправку,
а старую автомойку переделала в современную.

Дверь за Эгилем захлопнулась, и я вспомнил, что компа-
ния обещала мне установить автоматические двери. На сле-
дующей неделе поставят. Начальство нами довольно – они
сами сказали. Директор по продажам каждые две недели
приезжает, расплывается в улыбке, травит скверные анек-
доты, время от времени кладет мне руку на плечо и вроде
как доверительно говорит, что они мной довольны. Ясное де-
ло, довольны. Они же на выручку смотрят. И видят, что мы
успешно боремся за выживание. Несмотря на то, что в смену
Эгиля возле бензоколонок и бывает намусорено.

Без пятнадцати шесть. Я смазал маслом булочки, которые
за ночь оттаяли и поднялись, и вспомнил те счастливые го-
ды, которые провел в смотровой яме, смазывая двигатели.
К мойке подъехал трактор. Я знал, что, когда фермер помо-
ет своего железного коня, наступит мой черед мыть на мой-
ке пол. Будучи начальником, я отвечал за трудоустройство,

бухгалтерию, беседы с работниками, безопасность и прочую муть, но угадайте-ка, на что начальник тратит больше всего времени? На уборку. А на втором месте – выпечка булочек.

Я прислушался к тишине. Хотя нет – полной тишины здесь никогда не бывает, вместо нее – тихая симфония звуков, которые стихают, лишь когда заканчиваются выходные, дачники разъезжаются и мы снова закрываем магазин на ночь. Музыканты в этой симфонии – кофеварки, грили, холодильники и морозильные установки. У каждого свое, непохожее на остальные, звучание, но самые необычные звуки издает печка, где мы разогреваем булочки для гамбургеров. Она добродушно ворчит, и если закрыть глаза и перенестись в прошлое, то кажется, будто слышишь ворчание хорошо смазанного двигателя. В прошлый раз, когда ко мне заглядывал директор по продажам, он предложил включать в магазине тихую музыку. Сослался на какое-то исследование, согласно которому правильно подобранные звуки стимулируют не только голод, но и желание покупать. Я медленно покивал, но ничего не сказал. Я люблю тишину. Вскоре дверь откроется – наверняка какой-нибудь работяга приедет заправиться или кофе взять. Они всегда успевают до семи.

Я видел, что фермер залил в трактор дизель – тот самый, который сборами не облагается. Я знал, что когда фермер вернется домой, то перельет чуток дизеля в свою легковушку, но с этим пускай полицейские разбираются, а мне недосуг.

Мой взгляд скользнул по колонкам, шоссе и велосипедной дорожке и уперся в один из ничем не примечательных деревянных домов. Трехэтажный, построен сразу после войны. Веранда выходит на озеро Будалсваннет, окна грязные от пыли, а на стене – здоровенный плакат с рекламой парикмахерской и солярия. Судя по этому плакату, тут тебя одновременно и стригут, и поджаривают. Причем прямо в гостиной. Я ни разу не видел, чтобы в этот салон заходил кто-нибудь, кроме местных, а в деревне все и так знали, где живет Грета, поэтому назначение этого плаката для меня так и осталось неясным.

Сейчас дрожащая Грета стояла на обочине, в кроксах и футболке. Наконец она посмотрела направо и налево и ринулась через дорогу в сторону моей заправки.

Всего полгода прошло с того дня, как один водила из Осло, утверждавший, будто не видел, что быстрее пятидесяти в час тут разгоняться нельзя, сбил нашего учителя норвежского. У заправки в деревне есть свои преимущества и недостатки. Преимущества заключаются в том, что местные ходят к тебе за продуктами и всякой мелочовкой и что благодаря ограничению скорости к тебе время от времени заворачивают и неместные. Когда у меня была мастерская, мы также укрепляли местную экономику, потому что те, чьей машине нужен был основательный ремонт, ели в нашем кафе и ночевали в кемпинге на берегу. Минус в том, что рано или поздно машин станет меньше. Водители любят прямые

шоссе, на которых можно выжимать девяносто и не красться через каждую дурацкую деревушку, попадающуюся на пути. Проект нового скоростного шоссе за пределами Уса составили уже давно, но на выручку нам приходила география: пробивать туннель через местные горы – затея недешевая. Но туннель все-таки появится. Это так же точно, как тот факт, что через два миллиарда лет Солнце разнесет нашу Солнечную систему на кусочки, вот только у нас все произойдет существенно быстрее. Когда мы окажемся на отшибе, закроются не только те, кто живет за счет проезжающих мимо машин, – для всех в деревне последствия будут примерно такими же, как когда Солнце решит с нами расквитаться. Фермеры, разумеется, по-прежнему будут доить коров и выращивать то, что можно вырастить в горах, но остальным-то чем заняться, если шоссе тут не будет? Станем друг дружку стричь и загорать до черноты?

Дверь распахнулась. В юности Грета была мертвенно-бледной, с безжизненными жиденькими волосенками. Сейчас же на голове у нее перманент, из-за которого она, как по мне, выглядит жутковато. Быть красивым никто не обязан, это верно, вот только с Гретой Создатель и впрямь обошелся крутовато. Спина, шея, колени – все какое-то скрюченное, даже огромный сгорбленный нос казался чужим, словно его прилепили к узенькому лицу с немалым трудом. Но если с носом Создатель не пожадничал, то всем остальным Грету обделил: брови, ресницы, грудь, задница, щеки,

подбородок – ничего этого у нее не имелось. Губы тонкие и смахивают на червяков. В юности она мазала этих розоватых червяков толстым слоем ядрено-красной помады, и ее это даже красило. Но потом она вдруг краситься перестала – это случилось примерно в то время, когда Карл уехал из деревни.

Может, другие видели Грету Смитт иной, может, она по-своему даже и привлекательная, просто я, глядя на нее снаружи, сразу вспоминал, какая она внутри. Явно злой я ее не назову – уверен, у психиатров найдется какой-нибудь подходящий диагноз, как уж там это называется? Щадящий?

– Сегодня прямо ледяной он чего-то, – сказала Грета.

«Он» – это, видать, про северный ветер. Когда он налетал на долину, то всегда приносил с собой запах ледника и напоминание о том, что лето не вечно. Сама Грета выросла у нас в деревне, но заменять «ветер» на «он» явно научилась у родителей. Те приехали из Северной Норвегии, и сперва у них тут был кемпинг, однако потом они разорились и получили пособие по инвалидности – это уже после того, как у обоих нашли редкую форму периферической нейропатии, возникшей из-за диабета. Насколько я понимаю, при ней возникает ощущение, будто ходишь по осколкам. Сосед Греты рассказывал мне, что такая нейропатия незаразна и что это, видно, статистическое чудо. Впрочем, статистические чудеса происходят на каждом шагу, и сейчас родители Греты живут на третьем этаже, прямо над плакатом «Парикмахерская и со-

лярий у Греты», а на улицу выходят нечасто.

– Что, Карл вернулся?

– Да, – ответил я, понимая, что ответ тут предполагается не утвердительный и не отрицательный. Ее вопрос на самом деле представлял собой утверждение и просьбу выложить все, что мне известно. Но этого у меня и в мыслях не было. У Греты к Карлу и так какие-то нездоровые чувства. – Чего желаешь?

– Я думала, у него в Канаде дела отлично идут.

– Иногда люди возвращаются домой, даже если дела у них неплохи.

– Говорят, рынок недвижимости в тех краях очень непредсказуемый.

– Да, недвижимость там либо очень быстро дорожает, либо чуть медленнее. Кофе возьмешь? И булочку с кремом?

– Интересно, что привлекло такую важную птицу из Торонто в нашу-то деревню?

– Люди, – ответил я.

Она пристально вглядывалась в мое лицо, но я сделал морду кирпичом.

– Может, и так, – согласилась она, – но я слыхала, он с собой кубинку привез?

В этот момент Грету вроде как надо бы пожалеть. Родители-инвалиды, нос размером с метеорит, клиентов нету, ресниц тоже, ни мужа, ни Карла, и, похоже, ни о ком другом она не мечтает. Однако злоба в ней – как подводный камень, ко-

торый замечаешь, лишь когда он пробьет твоей лодке дно. Может, это закон Ньютона, и каждое действие вызывает противодействие, а значит, все зло, какое причинили Грете, она причиняет другим. Если бы Карл в молодости не трахнул ее спяну под деревом на каком-то сельском празднике, то она, возможно, такой не сделалась бы. А может, и сделалась.

– Кубинка... – я протер стойку, – прямо как сигара.

– Ага, так и есть! – Она склонилась над стойкой, будто собиралась сказать что-то противозаконное. – Коричневая, сама лезет в рот и...

Легко вспыхивает, – пришло мне в голову, хотя больше всего мне хотелось засунуть Грете в глотку булочку и заткнуть этот поток дерьма.

– ...вонючая, – проговорила Грета. Ее червеобразные губы скривились в усмешке. Метафорой она была явно довольна.

– Только она не с Кубы, – сказал я, – она с Барбадоса.

– Ну да, ну да, – подхватила Грета, – тайская шлюшка, русская жена. Наверняка послушная.

Я проиграл – скрывать, что ее слова меня задели, я больше не мог:

– Ну-ка повтори!

– Наверняка чудесная телочка, – торжествующе ухмыльнулась Грета.

Я переступил с ноги на ногу:

– Так чего тебе, Грета?

Грета окинула взглядом полки у меня за спиной:

– Мамаше нужны новые батарейки для пульта.

В этом я сомневался, потому что мамаша ее сама заходила за батарейками два дня назад и шагала так, будто под ногами у нее раскаленная лава. Я протянул Грете батарейки и пробил чек.

– Шеннон, – проговорила Грета, вытаскивая карточку, – я видела в «Инстаграме» фотки. С ней, небось, что-то не так, да?

– Не заметил, – сказал я.

– Да брось, если она с Барбадоса, то чего такая белая? И что у нее с глазом?

– Ну вот, пульт у твоей мамашы теперь хоть в космос полетит.

Грета вытащила карточку из считывающего устройства и сунула ее в кошелек.

– Увидимся, Рой.

Я медленно кивнул. Ясное дело, увидимся. Как и со всеми остальными в этой деревне. Однако Грета тем самым пыталась донести до меня еще кое-что, потому я кивнул так, будто все понял, – уж больно неохота было ее и дальше слушать.

Дверь за ней закрылась, но не до конца, хотя я уж и пружины подтягивал. Да, пора автоматические устанавливать.

В девять на смену заступил еще один заправщик, и у меня появилось время прибраться после фермера с трактором.

Как я и ожидал, на полу валялись комки земли и глины. Я всегда держу при себе готовое средство для мытья пола, которое выводит почти любую грязь, а протирая пол, вспоминал те времена, когда мы были подростками и верили, будто жизнь в любой момент может перевернуться с ног на голову, да жизнь и правда каждый день переворачивалась вверх тормашками. Между лопатками у меня вдруг кольнуло. Типа лазерной указки, какая бывает у полицейских из группы захвата. Поэтому, когда сзади послышалось покашливание, я не удивился и не вздрогнул. Я обернулся.

– У тебя тут что, соревнования по борьбе в грязи проводились? – спросил ленсман.

– Трактор мылся, – объяснил я.

Он кивнул:

– Значит, твой брат вернулся?

Ленсман Курт Ольсен, худощавый, с впалыми щеками и загнутыми книзу усами, он ходил в тесных джинсах и древних сапогах с разводами, которые еще его отец носил. Курт вообще все больше походил на Сигмунда Ольсена, старого ленсмана, – тот тоже был длинноволосым блондином, а еще мне вспоминался Деннис Хоппер в «Беспечном ездоке». Ноги у Курта Ольсена колесом, как бывает у футболистов, а сам он на два года моложе меня и в свое время был капитаном местной четвертой лиги. Технически подкованный, отличный тактик, а бегать мог полтора часа без остановки. Все говорили, что Курту Ольсену надо бы играть в лигах повы-

ше. Но тогда ему пришлось бы переехать в город побольше, где он вполне мог бы оказаться на скамье запасных. Кто согласится променять на это славу местного героя?

– Карл вчера приехал, – подтвердил я, – а ты откуда знаешь?

– Отсюда. – И он развернул передо мной какой-то плакат. Я перекрыл шланг с водой. **ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СКАЗКУ!** – было написано сверху. А ниже – **ВЫСОКОГОРНЫЙ СПА-ОТЕЛЬ.** Я вглядывался в строчки под этими словами. Ленсман меня не торопил. Мы с ним почти ровесники, и он, возможно, помнил, как в школе классный руководитель говорил, будто у меня слабая форма дислексии. Когда классный руководитель сообщил об этом моим родителям и заодно упомянул, что дислексия передается по наследству, отец взвился: он что же, намекает, будто мальчишку на стороне нагуляли? Но тогда мама напомнила ему про одного из папиных двоюродных братьев, некоего Улава из Осло, страдавшего словесной слепотой, отчего судьба у него сложилась печально. Когда Карл узнал обо всем, то предложил стать моим, как он сам это называл, учителем чтения. Намерения у него были самые добрые, это я знаю, и он и впрямь постарался бы. Однако я отказался. Кому охота учиться у младшего брата? Вместо этого моей учительницей стала моя тайная любовница, а школой – избушка на горном пастбище, но произошло это спустя много лет.

В плакате все желающие приглашались на собрание инве-

сторов в доме культуры в Ортуне. Присутствие ни к чему не обязывает, а всех пришедших ждет кофе с вафлями.

Я понял это, еще не дойдя до имени и подписи внизу плаката. Вот она – причина, по которой Карл вернулся домой.

После имени Карл Абель Опгард была указана степень. Master of Business. Ни больше ни меньше.

Что я точно знал, так это то, что мороки с этой затеей не оберешься.

– Это висит на всех автобусных остановках и на каждом столбе вдоль шоссе, – сказал ленсман.

Карл, видать, тоже рано встал.

Ленсман свернул плакат:

– А если у тебя нет разрешения, то это противоречит параграфу тридцать три Закона об автомобильных дорогах. Попросишь его снять плакаты, ладно?

– А сам ты чего не попросишь?

– У меня нет его номера, и... – сунув плакат под мышку, а большие пальцы за пояс, он посмотрел на север, – кататься туда лишний раз неохота. Так передашь?

Я медленно кивнул и взглянул туда, куда нашему ленсману неохота было лишний раз кататься. С заправки ферму Опгард не видно, только Козий поворот разглядеть можно и серую скалу у обрыва. Дома же, расположенного на плато, не видать. Хотя сегодня взгляд мой за что-то зацепился. Нечто красное. И до меня вдруг дошло, что это такое. Норвежский флаг. Ну охренеть – Карл поднял флаг в понедельник. Ка-

жется, именно так поступает король, желая продемонстрировать, что он дома? Я едва не заржал.

– Он может оставить заявку, – ленсман посмотрел на часы, – и мы ее рассмотрим.

– Ну разумеется.

– Именно так. – Ленсман приложил два пальца к воображаемой ковбойской шляпе.

Мы оба знали, что снимут плакаты только в конце дня и к тому времени они уже свою службу сослужат. Даже если кто-то приглашения и не увидит, то уж наверняка про него услышит.

Я развернулся и снова пустил воду.

Вот только покалывание между лопатками никуда не делось. Оно оставалось там же, где было все эти годы. Подозрения Курта Ольсена прожигали на мне одежду и въедались в кожу, в плоть. Но натывались на толстые кости. На волю и упрямство. На недостаток доказательств и фактов.

– Это что? – снова раздался голос Курта Ольсена.

Я обернулся и сделал вид, будто удивлен, что он еще не ушел. Он кивнул на металлическую решетку над стоком для воды. На лежавшие там комочки.

– Хм! – подал я голос.

Ленсман опустил на корточки.

– На них кровь, – сказал он, – это мясо.

– Да, пожалуй, – согласился я.

Он взглянул на меня.

– Лось, – объяснил я, – на дороге сбили. Мясо застряло в решетке. А потом они приехали сюда и смыли с себя эту дрянь.

– Ты же, Рой, вроде говорил, что тут трактор мылся.

– Думаю, это еще с ночи осталось, – сказал я, – если хочешь, могу Эгиля спросить – если желаешь провести... – я направил струю на решетку, лэнсман отскочил, а кусочек мяса оторвало от решетки и отбросило в сторону, – ...расследование.

Глаза у Курта Ольсена сверкнули, он наклонился и отряхнул штанину, хоть та и была сухой. Не знаю, заподозрил ли он что-нибудь. И это ли слово сказал в тот раз. Расследование. Что необходимо провести расследование. Неприязни к Курту Ольсену я не питал – он обычный трудяга, который делает свою работу. А вот расследования его мне однозначно не нравятся. И не уверен, что он так зашустрил бы, будь на плакате вместо Оппарда какое-нибудь другое имя.

Когда я вернулся в магазинчик, там уже паслись две девочки-подростка. Одна из них – Юлия – у меня работала и заступила на смену после Эгиля. Вторая девушка, покупательница, стояла ко мне спиной, повесив голову, и не думала поворачиваться, даже когда я хлопнул дверью. Однако я ее все равно узнал. Дочка жестянщика по фамилии Му. Наталия. Я иногда видел ее в компании отирающихся тут лихачей. Если Юлия была открытая, искренняя и, что называет-

ся, без претензий, то Наталия Му казалась чувствительной, но в то же время скрытной, словно боялась, что, покажи она свои чувства, их тотчас же растопчут или высмеют. Возраст, что поделаешь. Она, наверное, сейчас в старшем классе? К тому же, как я понял, ей было стыдно – и Юлия это подтвердила, потому что, поманив меня рукой, она одновременно кивнула в сторону полки с противозачаточными таблетками. Просто Юлии всего семнадцать, и поэтому продавать лекарства и табак она не имеет права.

Я прошел за стойку, стараясь побыстрее распрощаться с дочкой Му и не издеваться над беднягой.

– «Элла-один»? – спросил я и поставил перед ней белую коробочку.

– Чего? – переспросила Наталия Му.

– Противозачаточные твои, – безжалостно бросила Юлия.

Я провел покупку в кассе так, чтобы было понятно: продавец – человек взрослый и, очевидно, ответственный. Дочка Му скрылась за дверью.

– Она спит с Трондом Бертилем, – Юлия надула пузырь из жвачки, – ему за тридцатник, у него жена и дети.

– Молоденькая совсем, – сказал я.

– Для чего молоденькая? – Юлия уставилась на меня. Девчонка она довольно мелкая, но все в ней почему-то кажется несоразмерно большим. Кудрявые волосы, грубые руки, полная грудь и широкие плечи. Почти вульгарный рот. И глаза – крупные круглые гляделки, бесстрашно смотревшие на ме-

ня. – Для того, чтобы трахаться с тридцатилетним мужиком?

– Слишком молоденькая, чтобы самой принимать разумные решения, – ответил я, – возможно, еще научиться.

Юлия фыркнула:

– Противозачаточные так называются не потому, что тот, кто трахается, в принципе против зачатия. А если девчонка молодая, это вовсе не означает, что она не знает, чего хочет.

– Может, ты и права.

– Но когда мы делаем вот такую невинную рожу, как у этой, вы, мужики, сразу думаете: вот бедняжечка! А нам только того и надо. – Она рассмеялась. – Какие ж вы примитивные!

Я надел перчатки и принялся смазывать маслом багеты.

– А у вас есть секретное общество? – поинтересовался я.

– Чего-о?

– Ну, женщины, которые считают, будто знают всех остальных женщин как облупленных. Вы друг дружке хоть рассказываете, как вы сами устроены, чтобы уж наверняка знать? Потому что я, например, про мужчин ни хрена не знаю. Каких только среди них не бывает. Мне кажется, будто я его насквозь вижу, а правдой оказывается всего процентов сорок, не больше, – я сунул в багет салями и яйца – все это доставляют уже порезанным, – а ведь мы-то примитивными считаемся. Так что вам повезло – вы изучили половину человечества.

Юлия не ответила. Но я заметил, как она сглотнула. Силь-

но я, видать, не выспался, если вдруг взял и вот так набросился на девчонку, которая недавно из школы вылетела. Такие, как она, слишком рано берутся за плохое, а к хорошему идут долго. Но это вопрос времени. Она, как отец говорил, с головой. Бунтует, это да, но поддержка ей будет полезнее, чем тычки. Разумеется, и то и другое сгодится, но поддержка важнее.

– А ты, похоже, неплохо научилась резину-то менять, – сказал я.

Сейчас сентябрь, но те, у кого дачи на самой вершине, увидели снег еще на прошлой неделе. И хотя мы не продаем шины и не предлагаем свои услуги по их замене, горожане на своих кроссоверах, бывает, заглядывают к нам и умоляют помочь. И мужчины, и женщины. Они даже простейшие действия сами не способны осуществить. Если какая-нибудь солнечная буря выведет из строя электричество, то не пройдет и недели, как все эти бедолаги вымрут.

Юлия весело улыбнулась. Даже чересчур весело. Погода там, у нее в голове, переменчива.

– Эти городские думают, что сейчас скользко, – сказала Юлия, – а что же будет, когда настоящие холода стукнут – минус двадцать или тридцать.

– Тогда будет уже не так скользко, – возразил я.

Она удивленно посмотрела на меня.

– Чем ближе температура к точке таяния, тем сильнее гололед, – пояснил я. – Самая скользкая пора – это когда на

улице примерно минус семь. Именно такую температуру стараются поддерживать на хоккейном поле. И субстанция, на которой мы поскальзываемся, – это вовсе не тонкий слой замерзшей воды под давлением, как считалось прежде, а газ, возникающий благодаря молекулам, освобождающимся при этой температуре.

Она посмотрела на меня глазами, полными восхищения:

– Откуда ты все это знаешь, а, Рой?

От этого я почувствовал себя одним из тех придурков, которых не выношу, – нахватаются по верхам, а потом блещут эрудицией.

– Мы же продаем журналы, в которых такого полно. – Я показал на полки, где рядом с журналами об автомобилях, лодках, охоте и рыбалке, детективными романами и парой глянцевого изданий, на которых директор по продажам особо настаивал, была выставлена и «Популярная наука».

Но Юлия не позволила мне отказаться от лавров героя:

– А по-моему, тридцатник – это немного. Уж всяко лучше, чем двадцатилетние сопляки. Думают, что если на права сдали, значит они взрослые.

– Юлия, мне давно не тридцать.

– Да ладно? А брату твоему сколько?

– Тридцать пять.

– Он вчера у нас заправлялся, – сообщила она.

– Так не твоя же смена была.

– А мы с подружками как раз в Кнертен ездили. Это он сам

сказал, что твой брат. И знаешь, что мои подружки сказали? Что твой брат – ЯБВ.

Я промолчал.

– Но знаешь что? Мне кажется, что это ты ЯБВ.

Я смерил ее строгим взглядом, но она лишь ухмыльнулась, после чего едва заметно выпрямилась и расправила свои широкие плечи.

– ЯБВ означает...

– Спасибо, я знаю, что это означает, Юлия. Там доставка приехала – встретишь?

На заправку въехал грузовик с товарами. Минералка и сладости. Юлия наградила меня хорошо отрепетированным взглядом, в котором читалось «ох-я-сейчас-умру-со-скуки», и надула из жвачки пузырь, а когда он лопнул, тряхнула головой и вышла.

– Здесь? – Я недоверчиво оглядел пастбище.

– Здесь, – подтвердил Карл.

Поросшие вереском кочки. Гора с заснеженной вершиной. Вид сногсшибательный, не поспоришь, со всех сторон – синеватые горные вершины, а внизу, в озере, блестит солнце. И тем не менее.

– Сюда придется проложить дорогу, – сказал я, – провести водопровод. Канализацию. Электричество подключить.

– Ага, – рассмеялся Карл.

– И поддерживать порядок. Поддерживать порядок в зданиях, которые ты отстроишь на... на самой вершине этой чертовой горы!

– Это же необычно, верно?

– И красиво, – добавила Шеннон. Она стояла позади, скрестив на груди руки, и дрожала в своем черном пальто. – Это будет красиво.

Я вернулся домой пораньше и прямо с порога выругал Карла за плакаты.

– Ты почему мне ни слова не сказал? – спросил я. – Ты хоть представляешь, сколько народа меня сегодня вопросами замучило?

– И сколько же? А настроены люди хорошо? – Судя по тому, с каким интересом Карл спрашивал, плевать он хотел

на мои чувства – подумаешь, отодвинул в сторону собственного брата!

– Да ты охренел, что ли? – возмутился я. – Ты почему мне не сказал, что за этим и вернулся?

Карл приобнял меня за плечи и улыбнулся своей дьявольски обаятельной улыбкой:

– Потому что не хотел, чтобы ты узнал только половину всей истории, Рой. Не хотел, чтобы ты ходил тут и придумывал всякие отмазки. Ты же вечно сомневаешься во всем, да ты и сам это понимаешь. Поэтому сейчас мы сядем ужинать, и ты все узнаешь. Идет?

И да – я, разумеется, размяк, но, может, еще и оттого, что сегодня, впервые с тех пор, как не стало мамы с папой, я вернулся домой к накрытому столу. Мы заправились едой, а затем Карл показал мне проект отеля. Если на луне поставить юрту, получится точь-в-точь этот отель. Вот только по нашей луне бродят олени. Изображая окрестный пейзаж, архитектор ограничился этими оленями и кучками мха, в остальном же все выглядело пустовато и по-модернистски. Странновато, что мне понравилось, однако это, наверное, оттого, что больше было похоже на автозаправку где-нибудь на Марсе, а не на отель, в котором будут отдыхать всякие бездельники. По-моему, от подобных мест чаще всего ожидают красоты и уюта: национал-романтизм, намалеванные на стенах традиционные розочки, поросшая травой крыша, дома сказочных конунгов и хрен знает что еще.

После мы прошли с километр до клочка земли, где закатное солнце золотило вереск, а гранитные вершины вокруг казались до блеска отполированными.

– Смотри, как в пейзаж впишется. – Карл нарисовал пальцем в воздухе контуры отеля, который мы уже видели в нашей домашней столовой. – Решающие факторы – пейзаж и функциональность, а не сложившиеся представления о высокогорном отеле. Этот отель будет формировать восприятие архитектуры, а подражать мы никому не станем.

– Ясно. – В это слово я вложил все накопившееся во мне недоверие.

Карл объяснил, что в отеле предполагается двести номеров, общая площадь – одиннадцать тысяч квадратных метров, а готов он будет через два года после того, как в землю тут воткнут лопату. Или начнут взрывать – земли здесь негусто. По самым, как сказал Карл, пессимистичным подсчетам, обойдется все это в четыреста миллионов.

Пришел черед задать главный вопрос:

– Где ты собираешься взять четыреста миллионов?

Я еще не договорил, а у Карла уже готов был ответ:

– В банке.

– В местном? В Спар-банке Уса?

– Нет-нет, – он засмеялся, – этот слишком мелкий. По-едем в город, в DNB.

– И с какого это перепугу они дадут тебе кредит на четыреста миллионов на эту... – Я удержался и не сказал «хер-

ню», но, так как слова «отель» и «проект» мужского рода, все и так было ясно.

– С такого, что мы организуем не акционерное общество, а компанию с неограниченной имущественной ответственностью.

– С неограниченной имущественной ответственностью?

– У деревенских тут денег мало, но их фермы и земля – это их собственность. Чтобы войти в компанию с неограниченной имущественной ответственностью, им ни кроны не понадобится заплатить. И всем, кто захочет поучаствовать, будь ты тощий или толстый, достанутся одинаковые доли, и получают они тоже все поровну. Им останется только сидеть дома в кресле и бабло пересчитывать. Любой банк удивится ради возможности вложиться в такое дело. Их деньги будут обеспечены так, что надежнее и не придумаешь. Ведь в залог-то они получают целую деревню, причем в буквальном смысле.

Я почесал голову:

– Тебя послушать, так если все накроется, тогда...

– Тогда каждому пайщику придется выложить только свою долю. Если нас наберется сотня, а предприятие обанкротится, то общий долг составит сто тысяч и каждый из пайщиков раскошелится всего на тысячу. А не сможет кто-то выложить тысячу – это тоже проблема не твоя, а кредиторов.

– Ух ты!

– Элегантно, да? То есть чем больше народа в деле, тем

меньше каждый рискует. Но естественно, тем меньше они будут зарабатывать, когда дело пойдет в гору.

Такое надо переварить. Модель общества, в котором с тебя ни единой кроны не требуют, зато если все идет как надо, то знай себе снимай урожай. А если все накроется медным тазом, то платишь лишь свою долю.

– Ладно. – Я пытался сообразить, в чем кроется подвох. – Тогда почему ты приглашаешь на собрание инвесторов, хотя никто ничего инвестировать не должен?

– Потому что инвестор звучит намного лучше, чем просто пайщик, ты разве не согласен? – Карл засунул большие пальцы за пояс и заговорил по-местному: – Да я ж не только фермер, я еще и в гостиничном бизнесе кручусь. – Он расхохотался. – Чистая психология. Когда половина деревни войдет в долю, вторая половина удавится от страха, что соседи начнут вдруг разъезжать на «ауди» и величать себя инвесторами. Они гораздо охотнее пару крон выложат, чтобы от соседей не отставать.

Я медленно кивнул. С психологией он, пожалуй, попал в точку.

– Проект шикарный, сложность в том, чтобы сдвинуть его с мертвой точки, – Карл топнул по скале под ногами, – привлечь на свою сторону тех, кто покажет остальным, что считает наш проект привлекательным. Если у нас получится, за ними пойдут и другие, а оставшиеся потянутся сами собой.

– Ясно. И чем ты собираешься заманить этих первых?

– Хочешь сказать, что раз уж мне собственного брата убедить не удастся, что о других говорить? – Он улыбнулся, по-доброму, открыто, вот только в глазах оставалась грустинка. – Достаточно будет одного.

Моего ответа Карл дожидаться не стал.

– И это...

– Баран-вожак. Ос.

Естественно. Бывший мэр. Отец Мари. Он был мэром больше двадцати лет, твердой рукой управляя этим муниципалитетом, где основная часть населения поддерживает Рабочую партию, в печали и радости, пока сам не решил, что пора и честь знать. Сейчас ему перевалило за семьдесят, и он в основном хозяйничал у себя на ферме. Однако время от времени старый Ос писал статейки в местную газету «Усблад», и статейки эти пользовались популярностью. Даже те, чья точка зрения изначально не совпадала с мнением старика, рассматривали тему в новом свете. Свете, который загорался благодаря присущему старому мэру мастерству формулировок, мудрости и способности всегда принимать правильные решения. Местные на полном серьезе верили, что планы проложить дорогу в обход деревни сроду не осуществились бы, будь Ос по-прежнему мэром: уж он-то растолковал бы всем, каким образом подобная идея все разрушит, отняв у деревни жизненно важный приработок, который дают ей проезжающие автомобили, сотрут с карты наш небольшой поселок и превратят его в призрак, где выживут лишь

несколько получающих государственную поддержку фермеров. И некоторые даже предлагали снарядить делегацию во главе с Осом – а не с новым мэром – и отправить ее в столицу, чтобы там толком обсудить все с министром транспорта.

Я плюнул. Да, чтоб вы знали: на языке наших деревенских пентюхов плевков, в противоположность медленному киванию, означает, что ты *не* согласен.

– Ты чего ж, думаешь, Ос спит и видит, как бы ему пожертвовать фермой и землей ради спа-отеля на голой скале? И он доверит свою судьбу типу, который изменил его дочери и свалил за границу?

Карл покачал головой:

– Ты не понимаешь, Рой. Осу я нравился. Для него я был не просто будущим зятем – я стал ему сыном, которого у него никогда не было.

– Карл, ты *всем* нравился. Но когда трахаешь лучшую подругу своей девушки... – Карл предостерегающе посмотрел на меня, и я удостоверился, что Шеннон, присев на корточки, рассматривает что-то на кустиках вереска и не слышит нас, – популярность рискуешь утратить.

– Ос ничего не знает про нас с Гретой, – сказал Карл, – он думает, что его дочь просто меня бросила.

– Вон оно что? – недоверчиво протянул я. Впрочем, не особо недоверчиво.

Мари, которая всегда казалась уверенной в себе, предпочитала официальную версию, по которой это она сама бро-

сила первого парня на деревне, якобы потому, что сын горного фермера Опгарда – для нее сошка мелкая.

– Как только мы с Мари расстались, Ос пригласил меня к себе и сказал, что ему очень жаль, – признался Карл. – Да, мол, он знает, что между мной и Мари пробежала кошка, но не собираемся ли мы в скором времени помириться? Говорил, что у них с женой тоже бывали размолвки, а все же прожили они вместе больше сорока лет. Я ответил, что помириться хотел бы, однако прямо сейчас лучше мне ненадолго уехать. А он сказал, что понимает, и даже предложил кое-что. Оценки у меня в школе были хорошие, об этом он у Мари узнал, так, может, помочь мне со стипендией в каком-нибудь университете в Штатах?

– Значит, Миннесота – это все Ос устроил?

– У него имелись связи в тамошнем Норвежско-американском обществе.

– Ты никогда об этом не говорил.

Карл пожал плечами:

– Мне неловко было. Я сперва его дочке изменил, а потом еще и помощь от него принял. Но по-моему, он тоже неспроста все это придумал. Наверняка надеялся, что я вернусь с университетским дипломом и получу в награду принцессу и полцарства в придачу.

– И теперь ты хочешь, чтоб он тебя опять выручил?

– Не меня, – возразил Карл, – деревню.

– Естественно, – кивнул я, – деревню. И когда это ты вос-

пылал к местным такой любовью?

– И когда это ты стал таким холодным циником?

Я улыбнулся. Дату я вполне мог ему назвать. «Ночь „Фритца“», – вот как окрестил я ее у себя в голове.

Карл вздохнул:

– Когда живешь на противоположном конце земли, с тобой что-то происходит. Начинаешь думать, кто ты на самом деле такой. Откуда ты родом. К какой общности принадлежишь. И кого можешь назвать своим.

– И до тебя, значит, дошло, что эти вот – свои? – Я кивнул в сторону деревни, раскинувшейся внизу, в километре от нас.

– В печали и радости, да. Это как наследство, от которого не можешь отказаться. Оно возвращается к тебе, хочешь ты того или нет.

– Это потому ты по-городскому заговорил? Не хочешь, видеть, наследство-то получать.

– Такая речь досталась мне в наследство от мамы.

– Она говорила по-городскому, потому что слишком долго проработала в городе экономкой, а не потому, что говорила так с детства.

– Скажем так: я унаследовал от нее умение приспособливаться, – выкрутился Карл. – В Миннесоте много норвежцев, и меня серьезнее воспринимали, особенно потенциальные инвесторы, если я говорил как образованный. – Последние слова он проговорил чуть в нос, по-маминому, с такой

интонацией, какая бывает у жителей Западного Осло.

Мы рассмеялись.

– Со временем я опять заговорю как прежде, – сказал Карл, – я же из Уса. А если точнее, то из Опгарда. И свои для меня – это прежде всего ты, Рой. Если шоссе проложат в обход деревни и здесь не появится ничего, привлекающего сюда людей, то твоя автозаправка...

– Это не *моя* заправка, Карл. Я просто там работаю. А заправок повсюду полно, у этой компании пятьсот заправок, поэтому спасти меня вовсе не обязательно.

– Я перед тобой в долгу.

– Говорю же – мне ничего не надо...

– Надо. Еще как надо. Тебе нужна собственная заправка.

Я промолчал. Ладно. Тут он попал в точку. В конце концов, он мой брат, и лучше его меня никто не знает.

– А этот проект принесет тебе нужный капитал, Рой. Купишь себе заправку – хоть тут, хоть еще где-нибудь.

Я копил деньги. Откладывал каждую поганую крону, если та не уходила на оплату электричества – без электричества замороженную пиццу никак не разогреть, а именно ими я питался, когда ужинал дома, а не на заправке, – на бензин для старенького «вольво» и на то, чтобы поддерживать дом в мало-мальски жилом виде. Я обсуждал это с главным офисом, предлагал им подписать договор франшизы, и они даже не отказали – еще бы, теперь-то, когда автомобилей здесь скоро поубавится. Вот только я надеялся, что цену они на-

значат ниже, но я ошибся, а ведь это, как ни странно, по моей вине, потому что выручку мы им делали прямо-таки отличную.

– Допустим, я соглашусь заняться этим твоим отелем...

– Да! – заорал Карл, будто я уже был в деле.

Я сердито замотал головой:

– До того времени, когда отель твой откроется, еще два года. Да еще года два, пока он доход начнет приносить. Если он вообще медным тазом не накроется. А захоти я в это время купить заправку и взять под это дело кредит, банк мне, естественно, откажет, потому что у меня с этой твоей неограниченной имущественной ответственностью и так долгов будет по уши.

Карл даже не потрудился притвориться, будто верит моей болтовне. Пайщики или нет – ни один банк не даст кредит на покупку автозаправки с таким безнадежным будущим, какое нас ждет.

– Значит, ты в деле, Рой. А деньги на покупку заправки ты получишь до того, как мы вообще начнем строить отель.

Я уставился на него:

– Это еще что за херня?

– Общество с неограниченной имущественной ответственностью должно приобрести землю, на которой будет построен отель. А кто, по-твоему, владеет этой землей?

– Ты и я, – ответил я, – и что с того? С продажи голой скалы особо не разбогатеешь.

– Смотря кто будет назначать цену, – не согласился Карл.

В практичности и логике мне не откажешь, но, вынужден признать, доходило до меня несколько секунд.

То есть...

– То есть проект принадлежит мне, именно мне. Это означает, что статьи бюджета тоже определяю я. О чем я и сообщу на собрании инвесторов. Разумеется, завышать цену я не стану, но предлагаю запросить двадцать миллионов.

– Двадцать миллионов! – Я недоверчиво обвел рукой жалкие кустики вокруг. – Вот за это?

– В любом случае это довольно мало, если сравнить с общим капиталом в четыреста миллионов, так что стоимость земли можно разделить и включить в другие статьи бюджета. Одна статья – дорога и придорожная зона, другая – парковочная площадка, третья – непосредственно участок под строительство...

– А если кто-нибудь спросит про стоимость одного мола?²

– Спросят – ответим, мы же не бандиты.

– И кто же мы... – Я осекся. Мы? Как ему удалось втянуть меня в это? Хотя ладно, потом разберемся. – И кто же мы тогда?

– Мы деловые люди, занимающиеся серьезным делом.

– Серьезным делом? Местные в подобных делах ничего не смыслят, Карл.

– Хочешь сказать, что тут сплошь легковые простач-

---

² Мол – норвежская мера земельной площади, равная 1000 кв. м.

ки? Да-да, мы-то знаем, ведь мы тоже местные, – он сплюнул, – как в тот раз, когда папа купил «кадиллак». Народ тогда разволновался. – Карл криво улыбнулся. – Благодаря этому проекту цены на землю здесь взлетят до небес, Рой. А когда вложимся в отель, перейдем ко второму этапу. Горнолыжный склон, дачи и апартаменты. Вот где настоящая прибыль. Поэтому с какой стати нам продавать дешево, если мы знаем, что вскоре цены тут до небес взлетят? Мы сами об этом и позаботимся. Рой, мы никого не обманываем – просто вовсе не обязательно болтать, что братья Опгард первые миллионы прикарманили. Так что, – он посмотрел на меня, – нужны тебе деньги на заправку или нет?

Я задумался.

– Я пойду отолюю, а ты решай пока, – сказал Карл.

Он развернулся и двинулся к валуну на вершине горы – видеть, думал, что с другой стороны его ветер не достанет.

Значит, Карл считает, что за время, которое ему нужно, чтобы отлить, я должен решить, хочу ли продать имущество, находившееся в собственности нашей семьи на протяжении четырех поколений? По цене, которая при других обстоятельствах считалась бы грабительской. Чего тут думать-то? Класть я хотел на поколения, по крайней мере на моих предков-то уж точно. Эта земля не плодородная и никакой ценности не имеет – ни фактической, ни еще какой, разве что тут вдруг найдут месторождения каких-нибудь редких металлов. И если Карл прав и миллионы, которые мы можем

получить, – это только верхушка кулича, который со временем укусят все наши деревенские, то мне в самый раз. Двадцать миллионов. Десять мне. За десять миллионов шикарную заправку можно отхватить. Высшего уровня, в отличном месте и без долгов. С полностью автоматизированной мойкой. И отдельной зоной для кафе.

– Рой?

Я обернулся. Из-за ветра я не слышал, как сзади подошла Шеннон. Она смотрела на меня.

– Она, похоже, заболела, – сказала Шеннон.

На секунду я решил было, что она о себе говорит: такой она казалась замерзшей и нахохлившейся, большие карие глаза выглядывали из-под старой вязаной шапки – эту шапку я еще мальчишкой носил. Но потом я заметил, что она держит что-то в руке. Она подошла поближе.

На ладони у нее лежала маленькая птичка. Черная шапочка на белой голове, светло-коричневое горлышко. Оперение неяркое, значит, скорее всего, самец. И похоже, не жилец.

– Хрустан, – сказал я. – Ты на гнездо наступила?

– На гнездо? Нет!

– Я спросил потому, что, когда кто-то подходит к гнезду, он не улетает. Он позволяет на себя наступить, но с яиц не поднимается.

– Он?

– Да, на яйцах сидит самец, и он же птенцов выкармливает, – я погладил птицу пальцем по груди и почувствовал

быстрое сердцебиение, – притворяется мертвым. Отвлекает внимание от яиц.

Шеннон огляделась:

– Где они? И где самка?

– Самка мутит с другим самцом.

– Мутит?

– Спаривается. Занимается сексом.

– А-а... – Она, похоже, заподозрила, что я над ней подшучиваю.

– Это называется «полиандрия», – сказал я. А так как она мне, похоже, по-прежнему не верила, добавил: – Редко, но встречается.

– Самец, жертвующий собой ради детей, поддерживающий семью, когда мать неверна ему, – она погладила птичку пальцем, – и правда редко.

– Вообще-то, полиандрия не это означает, – сказал я, – это...

– ...форма супружества, позволяющая одной женщине иметь нескольких мужей, – договорила она за меня.

– А-а, – протянул я.

– Да. Встречается в разных странах, но особенно распространена в Индии и на Тибете.

– Надо же. А... – Я чуть не спросил, откуда она об этом знает, но передумал и вместо этого поинтересовался: – А зачем им это?

– Обычно братья женятся на одной женщине, чтобы не

делить семейную усадьбу.

– Этого я не знал.

Она чуть склонила голову:

– Ты, наверное, о птицах знаешь больше, чем о людях?

Я не ответил. Тогда она рассмеялась и подбросила птицу высоко в воздух. Хрустан расправил крылья и полетел прочь. Мы провожали его взглядом, пока я краем глаза не заметил какое-то движение внизу, на земле, и решил сперва, что это змея. Я обернулся и увидел, как по камням к нам ползет темная извилистая полоска. Подняв глаза, я увидел на вершине Карла – он напоминал статую Христа в Рио, только пишущую. Я отступил и кашлянул, а Шеннон, увидев ручеек мочи, последовала моему примеру. Ручеек зажурчал дальше вниз, к деревне.

– Если мы продадим эту землю за двадцать миллионов крон – что скажешь? – спросил я.

– Кажется, это много. Как думаешь, где его гнездо?

– Это два с половиной миллиона американских долларов. Мы тут построим дом на двести кроватей.

Она улыбнулась, развернулась и пошла по тропинке, по которой мы пришли сюда.

– Это много. Но хрустан построился тут первым.

Я уже собирался ложиться спать, когда вырубился свет.

Я как раз сидел на кухне и изучал последние бухгалтерские отчеты. Подсчитывал, как будущий возможный доход

может повлиять на цену, которую компания запросит за заправку. Я пришел к выводу, что десять миллионов мне хватит не только на десятилетнюю франшизу, но и на землю с постройками. И я стану *настоящим* владельцем.

Я поднялся и взглянул в окно. В деревне тоже ни единого огонька. Отлично, значит, это не у нас проблемы. Я сделал два шага до двери в гостиную, открыл ее и заглянул внутрь, в крошечную темноту.

– Эй, привет, – позвал я.

– Привет, – хором ответили Карл и Шеннон.

Я добрался до маминого кресла-качалки. И сел. Полозья скрипнули. Шеннон хихикнула. Они с Карлом чуток выпили.

– Простите, – сказал я, – это не у нас. Это... это у них.

– Ерунда, – откликнулась Шеннон, – когда я была маленькой, у нас то и дело свет отключался.

– Барбадос – бедная страна? – проговорил я в темноту.

– Нет, – ответила Шеннон, – это один из богатейших Карибских островов, – но там, где я выросла, многие занимались... хм, cable hooking – как это по-норвежски?

– По-моему, у нас и слова-то такого нет, – сказал Карл.

– Когда подключаются к основному кабелю и воруют электричество. От этого ток временами исчезал. Я привыкла. Просто живешь и знаешь, что все в любой момент может исчезнуть.

Мне отчего-то почудилось, что говорит она не только про

электричество. Возможно, еще и про дом с семьей? Гнездо хрустана она все-таки нашла, а найдя, воткнула рядом палочку, чтобы мы нечаянно на него не наступили.

– Расскажи, – попросил я.

На несколько секунд в темноте повисла гробовая тишина.

Затем Шеннон рассмеялась – тихо, вроде как извиняясь:

– Давай лучше ты расскажешь, Рой?

Чудно, но хотя в словах она никогда не ошибалась и предложения тоже строила правильно, акцент не позволял забыть, что она не отсюда. А может, это потому, что сегодня она приготовила какое-то карибское блюдо – *мофонго*, что ли.

– Да, пускай Рой расскажет, – согласился Карл, – он в темноте отлично рассказывает. Когда мне в детстве не спалось, он непременно мне что-нибудь рассказывал.

«Когда тебе не спалось, потому что ты плакал, – подумал я. – Когда я спускался вниз, ложился к тебе в кровать, обхватывал тебя руками, кожа у тебя еще была такой горячей, и я говорил: не думай об этом, вот я тебе сейчас расскажу кое-что, и ты уснешь». И едва я подумал об этом, как до меня дошло, что не в акценте дело и не в мофонго. Дело в самом ее присутствии здесь, в темноте, рядом со мной и с Карлом. В нашем темном доме, который принадлежал мне и ему – и никому больше.

Карл уже стоял на пороге, готовый приветствовать гостей. Мы слышали, как поднимаются к Козьему повороту первые машины. Сбрасывают ход. И еще. Шеннон держала чашу с пуншем и, когда я подлил туда спирта, вопросительно взглянула на меня.

– Спирт им больше по вкусу, чем фрукты, – объяснил я и посмотрел в окно.

Возле дома остановился «пассат», и из пятиместной машины вылезли шестеро. Все как обычно: они все вместе набиваются в машину, а за руль сажают женщин. Не знаю, почему мужики считают, будто имеют право напиться, и почему женщины подписываются их развозить, впрочем женщин никто не спрашивает, просто так уж оно повелось. Мужики, неженатые или те, чьи жены остались присматривать за детьми, кидали жребий – вспоминали игру «камень-ножницы-бумага». Когда мы с Карлом были маленькими, многие садились за руль пьяными. Но теперь больше никто пьяным не водит. Жен они по-прежнему поколачивают, а вот пьяными – поди ж ты – за руль не садятся!

В гостиной висел плакат: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ. По-моему, странновато как-то: в Америке вроде праздник устраивают друзья и родственники, а не тот, кто вернулся домой. Но Шеннон лишь посмеялась и сказала, что

если никто больше этого не сделал, значит придется самим подсуетиться.

– Давай я начну разносить пунш, – предложила Шеннон.

Я как раз наполнял бокалы смесью самогонки с фруктовым коктейлем. Шеннон оделась так же, как в день приезда, – черный свитер с высокой горловиной и черные брюки. То есть одежда была уже другая, но очень похожая. В тряпках я не спец, но у меня было такое чувство, что одевается она дорого, хоть и неброско.

– Спасибо, но я и сам могу разнести, – сказал я.

– Нет. – И эта пигалица оттолкнула меня в сторону. – Твое дело – беседовать со старыми друзьями, а я буду разливать пунш и постепенно знакомиться со всеми.

– Ладно, – согласился я. Объяснять, что это друзья Карла, а не мои, я не стал.

Впрочем, смотреть было приятно: все они обнимали Карла, хлопали его по спине, словно в горле у него что-то застряло, ухмылялись и выдавали какую-нибудь по-дружески грубоватую фразу, которую они придумали по дороге сюда. Вздуродораженные, слегка смущенные и готовые выпить.

Мне они жали руку.

Мы с братом много в чем не похожи, но это различие, наверное, самое заметное. Карла деревенские пятнадцать лет не видали, а со мной каждый божий день на заправке виделись все эти годы. Теперь, когда я стоял и смотрел, как он тает от дружеского тепла и заботы – я же вечно был этим

обделен, – завидовал ли я ему? Хм. Каждому из нас охота, чтоб его любили. Но готов ли я поменяться? Соглашусь ли я подпустить к себе людей так близко, как Карл? Ему это, судя по всему, ничего не стоит. Мне же обошлось дорого.

– Привет, Рой. Нечасто тебя с пивом увидишь.

Мари Ос. Выглядела она неплохо. Мари всегда хорошо выглядит, даже когда при ней коляска, в которой орут близнецы с коликами. И я знаю, что пара теток у нас в деревне от этого прямо из себя выходят: они-то надеялись, что Мисс Безупречность спустится с небес и примкнет к простым смертным. Девчонка, которой досталось все. Родилась в богатой семье, от природы сообразительная, поэтому и училась лучше других, носит фамилию Ос, благодаря которой ее особенно уважали, но мало этого: Господь ее еще и внешностью не обделил. От матери Мари Ос унаследовала смугловатый румянец и женственную фигуру, а от отца – светлые волосы и холодные голубые глаза, глаза волчицы. Возможно, из-за этих глаз, острого язычка и чуть высокомерной холодности парни держались от нее дальше, чем можно было ожидать.

– Мы так редко с тобой видимся – прямо удивительно, – сказала Мари. – Как у тебя вообще дела-то?

«Вообще» означает, что обычного «у меня все хорошо» ей недостаточно, Мари на меня не наплевать, и она хочет услышать все начистоту. И похоже, она интересовалась совершенно искренне. В глубине души Мари добрая и отзыв-

чивая. Просто со стороны кажется, будто она смотрит на тебя слегка сверху вниз. Может, это, конечно, оттого, что росту в ней метр восемьдесят, однако помню, как однажды мы втроем возвращались с танцев – я за рулем, Карл в дымину пьяный, а Мари злая как черт, – и она тогда заявила: «Карл, я не могу встречаться с парнем, который тянет меня вниз, на один уровень с деревенскими, ясно тебе?»

Впрочем, если местный уровень ее и не устраивал, уезжать отсюда она, судя по всему, не хотела. В школе она училась даже лучше Карла, но, в отличие от него, никогда не горела жадой уехать и чего-нибудь добиться. Может, потому, что у нее все и так уже было и оставалось лишь наслаждаться жизнью. Поэтому ей и здесь было неплохо. Возможно, именно поэтому она, распрощавшись с Карлом, быстренько поступила на факультет политологии – или, как наши деревенские говорили, болтологии – и вернулась с кольцом на пальце, притащив с собой Дана Кране. Он тут устроился редактором в местную газету от Рабочей партии, а вот она, похоже, до сих пор писала диплом, а закончить что-то никак не могла.

– У меня все хорошо, – сказал я. – Ты одна приехала?

– Дан с мальчишками остался.

Я кивнул. Думаю, живущие по соседству бабушка с дедушкой наверняка с радостью посидели бы с внуками, однако Дан сам отказался ехать. Он заезжал к нам на заправку – подкачать колеса своего вызывающе дорогого велосипеда, на

котором собирался проехать велогонку «Биркен», и я прекрасно помню его бесстрастное лицо – он делал вид, будто не знает, кто я такой, однако от него едва искры не летели, а все из-за того, что в ДНК у меня много общего с чуваком, который трахал его жену до того, как он сам получил на нее права. Нет, Дан вряд ли рвался праздновать возвращение блудного сына нашей деревни и бывшего парня своей жены.

– Вы с Шеннон уже познакомились? – спросил я.

– Нет. – Мари огляделась. Народу в гостиной уже набилось столько, что не протолкнуться, хотя мебель мы сдвинули в стороны. – Но Карл падок на внешность, а значит, я ее вряд ли прогляжу. – По тону Мари сразу становилось ясно, что именно она думает о разговорах про внешность.

На выпускном в школе Мари должна была выступать с речью от лица выпускников, и директриса имела неосторожность охарактеризовать Мари как «не только умницу, но и потрясающую красавицу». Свою речь Мари начала так: «Благодарю вас. Я хотела бы самым лучшим образом отозваться о поддержке, которую вы оказывали нам последние три года, но не знаю, какие слова подобрать, поэтому лучше скажу, что вам очень повезло с внешностью». В зале послышались смешки, но слабые, с сарказмом она переборщила, и никто так и не понял, комплимент это или как.

– Ты, должно быть, Мари.

Мари посмотрела направо-налево и лишь потом вниз. Там, на три головы ниже, она увидела бледное лицо Шеннон

и ее белоснежную улыбку.

– Пунша?

Мари вздернула одну бровь – видать, думала, что Шеннон вызывает ее на боксерский поединок, но потом Шеннон подняла поднос повыше.

– Спасибо, – поблагодарила Мари, – но нет.

– О нет! Ты проиграла в «камень-ножницы-бумага»?

Мари растерянно смотрела на нее.

Я кашлянул:

– Я рассказал Шеннон про местный обычай, когда решают, кому за руль садиться...

– А, вон оно как, – Мари натянуто улыбнулась, – нет, мы с мужем не пьем.

– Ясно, – сказала Шеннон. – Потому, что вы завязавшие алкоголики, или потому, что это для здоровья вредно?

Лицо у Мари вытянулось.

– Мы не алкоголики, но от алкоголя ежегодно гибнет больше народа, чем от всех войн, убийств и наркотиков, вместе взятых.

– Что ж, спасибо, – заулыбалась Шеннон, – что избавляете нас от войн, убийств и наркотиков.

– Я просто хочу сказать, что спиртное употреблять не следует, – пробормотала Мари.

– Наверняка ты права, – согласилась Шеннон, – но благодаря ему те, кто сегодня приехал к нам, хоть разговорились толком. Ты на машине?

– Разумеется. Там, откуда ты родом, женщины не водят машину?

– Водят, но ездят по левой стороне.

Мари неуверенно посмотрела на меня, будто спрашивая, нет ли тут подвоха.

Я опять кашлянул:

– В Барбадосе правостороннее движение.

Шеннон громко рассмеялась, а Мари снисходительно улыбнулась, как будто услышала неуклюжую детскую шутку.

– Ты, наверное, много времени и сил потратила, чтобы выучить язык своего мужа, Шеннон. Вы с ним не обсуждали: может, лучше ему было твой выучить?

– Хороший вопрос, Мари, но на Барбадосе говорят по-английски. А мне, естественно, хочется понимать, о чем вы тут шепчетесь за моей спиной. – Шеннон опять засмеялась.

Что вы, женщины, хотите сказать, когда говорите, до меня иногда не доходит, но сейчас я понимал: передо мной что-то вроде петушиных боев и мне лучше не влезать.

– К тому же норвежский мне нравится лучше английского. Английский – самый безнадежный язык в мире.

– То есть нравится *больше* английского, да?

– Идея латинского алфавита заключается в том, что графический символ передает определенный звук. Если, например, в норвежском, немецком, испанском, итальянском и других языках написать «а», то и читаться оно будет как «а». А вот в английском «а» может означать все, что угодно. Car,

care, cat, call, ABC. Полная анархия. Эфраим Чемберс еще в восемнадцатом веке считал, что ни в одном языке нет настолько нелогичной орфографии, как в английском. А я, когда еще ни слова не знала по-норвежски, читала вслух Сигрид Унсет, и Карл все понимал! – Шеннон рассмеялась и посмотрела на меня. – Это норвежский следовало бы сделать языком международного общения, а не английский!

– Хм, – откликнулась Мари, – но если для тебя равноправие не пустой звук, зря ты Сигрид Унсет читаешь. Она – реакционная антифеминистка.

– О, а у меня сложилось впечатление, что Унсет – феминистка второй волны, как Эрика Лонг, но опередившая свое время. Спасибо за совет, но я стараюсь читать и тех авторов, с чьим пунктом зрения я не согласна.

– Точкой зрения, – снова поправила ее Мари. – На язык и литературу у тебя немало времени уходит – это я прекрасно понимаю, Шеннон. Тебе, наверное, лучше будет пообщаться с Ритой Виллумсен и нашим доктором Стэнли Спиндом.

– Лучше? Лучше, чем что?..

Мари ненатурально улыбнулась:

– Или, возможно, твой норвежский еще где-нибудь пригодится – например, работу найдешь. Вольешься в местное общество?

– К счастью, работу искать мне не понадобится.

– Да, пожалуй, ты права, – согласилась Мари, и я понял, что она опять готовится напасть. В ее взгляде читалось вы-

сокомерие и презрение – все то, что она так хорошо скрывала от односельчан. – У тебя же есть... муж.

Я посмотрел на Шеннон. Пока мы тут стояли, кто-то взял несколько бокалов у нее с подноса, и сейчас она переставляла оставшиеся, чтобы поднос не перевернулся.

– Мне не понадобится искать работу, потому что она у меня уже есть. Я могу работать дома.

Мари сперва удивилась, но потом удивление сменилось разочарованием.

– И что это за работа?

– Я рисую.

Мари снова просияла.

– Рисуешь! – повторила она с напускным воодушевлением, словно, если уж тебе настолько не повезло с профессией, тебя необходимо поддержать. – Ты художница, – с сочувствием в голосе заключила она.

– Не уверена. Возможно, в хорошие дни – да. А ты чем занимаешься, Мари?

Мари на секунду растерялась:

– Я политолог.

– Потрясающе! А здесь, в Усе, это востребованная профессия?

Мари улыбалась так, как улыбаются, когда что-то болит:

– Прямо сейчас я мама. У меня близнецы.

Шеннон недоверчиво ахнула:

– Неужели правда?!

– Да, я не вр...

– А фотографии?! Есть у тебя фотографии?

Мари искося, сверху вниз взглянула на Шеннон. И замешкалась. Возможно, ее волчий взгляд оценивал, стоит ли отказать. Крошечная, похожая на птенца одноглазая женщина – насколько она опасна? Мари вытащила телефон, нажала пару кнопок и протянула его Шеннон, а та издала восхищенное «о-о-о» и всучила мне поднос с бокалами, чтобы взять телефон поудобнее и лучше разглядеть близнецов.

– А скажи, Мари, что надо сделать, чтобы родить вот таких?

Не знаю, искренне ли говорила Шеннон, но если и нет, то сыграла она первоклассно. По крайней мере достаточно хорошо, чтобы Мари Ос пошла на перемирие.

– А еще есть? – спросила Шеннон. – Можно полистать?

– Э-хм, да, пожалуйста.

– Обойдешь гостей, Рой? – попросила Шеннон, не сводя глаз с телефона.

Я обошел гостиную, проталкиваясь между гостями, но бокалы разбирали быстро, так что мне и беседовать ни с кем не пришлось.

Когда поднос опустел, я вернулся на кухню, где тоже топтался народ.

– Привет, Рой. Я у тебя там коробку со снюсом видел – возьму одну штучку, ладно?

Это был Эрик Нерелл. Зажав в руке бутылку пива, он при-

валился к холодильнику. Эрик тягал штангу, а его голова на толстой, накачанной шее была такой крошечной, что казалась каким-то шейным отростком, на котором торчал густой светлый ежик упругих, как спагетти, волос. Плечи плавно переходили в два, словно наполненных воздухом, бицепса. Эрик служил в парашютных войсках, а теперь владел единственным приличным заведением в деревне – «Свободное падение». В помещении, где раньше располагалась кофейня, он оборудовал бар с дискотекой и караоке, где по понедельникам играли в бинго, а по средам проводились викторины.

Вытащив из кармана коробочку «Берри», я протянул ее Эрику. Тот сунул пакетик под верхнюю губу.

– Просто интересно, какой у него вкус, – сказал он, – я американский снюс больше ни у кого не видел. Ты его где вообще берешь?

Я пожал плечами:

– Да много где. Если кто-то едет оттуда, прошу прихватить.

– Прикольная коробочка, – он вернул ее мне, – а сам ты в Штатах не бывал?

– Не-а.

– Я еще все хотел тебя спросить: почему ты кладешь снюс под нижнюю губу?

– The American way³, – ответил я, – папа так делал. Он говорил, что под верхнюю губу снюс кладут только шведы, а

---

³ По-американски (англ.).

каждому известно, что во время войны шведы в штаны наложили.

Эрик Нерелл засмеялся, отчего верхняя губа у него оттопырилась еще сильнее.

– Ну и телочку братец твой отхватил.

Я не ответил.

– И по-норвежски она так шпарит, что аж страшно.

– Ты что, разговаривал с ней?

– Спросил только, танцует ли она.

– Спросил, танцует ли она? С какой стати?

Эрик пожал плечами:

– Да она на балерину похожа. На такую фарфоровую – разве нет? И родом с Барбадоса. Калипсо, все дела... Как уж этот танец называется? Вспомнил – сока!

Видать, лицо у меня сделалось такое, что он заржал:

– Да ладно тебе, Рой, расслабься! Она не обиделась, сказала даже, что попозже нас научит. Ты видал, как соку танцуют? Сплошной секс!

– Ладно. – Я решил, что совет полезный. Надо и впрямь расслабиться.

Эрик отхлебнул пива и тихо рыгнул в кулак. Вот что брак с людьми творит.

– Не знаешь, сейчас камнепады в Хукене часто бывают?

– Без понятия, – ответил я, – а ты почему спрашиваешь?

– Тебе никто не сказал, что ли?

– О чем не сказал? – На меня дохнуло холодом, будто

сквозь потемневшие оконные рамы в дом просочился ветер.

– Ленсман собирается запустить к стене дрона и рассмотреть получше. И если там все безопасно, то спустимся по веревке к обломкам. Пару лет назад я бы и глазом не моргнул, но сейчас Гру вот-вот родит, это наш первенец, так что я пас.

Нет, это не просто холодный сквозняк. Это ведро ледяной воды мне на голову. Обломки. «Кадиллак». Он там восемнадцать лет пролежал. Я покачал головой:

– Со стороны-то оно, может, все как надо, но я слышал, там и камнепады случаются. Причем то и дело.

Эрик вроде посмотрел на меня – и вроде как задумчиво. Не знаю уж, о чем он там думал – о камнепадах или правду ли я говорю, а может, обо всем сразу. Он ведь слышал, что случилось, когда из Хукена доставали тела мамы с папой. Тогда вниз спустились двое альпинистов из службы спасения в горах и положили тела на носилки – носилки ударились о скалу, но выдержали, все обошлось. Несчастье случилось, когда они сами вверх полезли. Тот, кто полез первым, расшатал камень, он упал вниз и раздробил плечевой сустав второму – тому, кто страховал. Мы с Карлом стояли на Козьем повороте, за врачами из скорой помощи, спасателями и ленсманом, и лучше всего мне запомнились крики. Самого альпиниста я не видел, а крики его в чистом, тихом вечернем воздухе слышно было хорошо. Медленные, размеренные, даже словно бы тихие по сравнению с болью, они отскакивали, пружиня, от скал там, внизу, похожие на деловитое карканье воро-

НОВ.

– Охренеть, это ж он речь говорит! – ахнул Эрик.

В гостиной послышался голос Карла, и народ потянулся туда. Я нашел себе местечко в дверях. Хотя Карл был на голову выше остальных, он все равно встал на стул.

– Дорогие, дорогие друзья! – громко проговорил он. – Как же круто вас всех снова видеть. Пятнадцать лет... – Он умолк, чтоб все мы оценили услышанное. – Большинство из вас видели друг дружку каждый день, поэтому вы не замечали, как постепенно меняетесь. Как мы постарели. И скажу раз и навсегда: глядя на вас, ребята... – он перевел дыхание и весело оглядел собравшихся, – я понимаю, что сохранился намного лучше.

Смех и громкие возмущенные выкрики.

– Да-да! – заявил Карл. – И это вдвойне странно, если учесть, что я тут единственный, за чью внешность вообще стоило опасаться.

Снова смех, свист и выкрики. Кто-то попытался стащить его со стула.

– Но, – какая-то добрая душа помогла Карлу устоять на стуле, – с женщинами дело обстоит иначе. Сейчас вы намного краше, чем были.

Женщины ликут и хлопают.

Мужской голос:

– Даже не думай, Карл!

Я обернулся и поискал глазами Мари – это вышло как-

то машинально, по старой привычке. Шеннон уселась на кухонную стойку – иначе ей было не видно. Сидела она, чуть ссутулившись. Стоявший возле холодильника Эрик Нерелл внимательно разглядывал ее. Я вышел из гостиной, поднялся по лестнице в нашу детскую, прикрыл дверь и забрался на верхнюю койку. Благодаря печной трубе голос Карла здесь был прекрасно слышен. Некоторых слов я не разобрал, но общий смысл понял. Потом кто-то назвал мое имя. И все стихло.

Мужской голос:

– Да он, поди, в сортир пошел.

Смех.

Кто-то окликнул Шеннон. Я услышал ее низкий грудной голос. Воробушек с совиным клекотом. Несколько слов, а затем – вежливые хлопки.

Глядя в потолок, я отхлебнул пива. И закрыл глаза.

Когда я их снова открыл, было почти совсем тихо.

И я понял, что весь праздник продрых, а последние гости уже разъезжаются. Они рассаживались по машинам и заводили двигатели, под колесами шуршал гравий, и, когда автомобиль доезжал до Козьего поворота, на шторах плясал красный отсвет.

После все стихло. С кухни доносилось лишь шарканье ног и тихие голоса. Голоса взрослых, которые обсуждали повседневные заботы, переговаривались о мелочах. Под такие звуки я засыпал ребенком. Надежные. Надежность, которая, как

тебе кажется, никуда не денется, такая правильная и неизменная.

Мне что-то приснилось. Машина, которая на секунду зависает в воздухе, словно вот-вот улетит прямо в космос. Но сила тяжести побеждает, и машина – ее передняя часть, капот, – медленно кренится вниз. В темноту. В Хукен. Раздается крик. Это кричит не папа. И не мама. И не альпинист. Это мой крик.

Из-за двери донеслось хихиканье. Шеннон.

– Нет! – прошептала она.

– Рою нравится. Я тебе сейчас покажу, как у нас все было устроено. – Это уже Карл, он явно хорошенько принял на грудь.

Я окаменел, хотя и понимал, что он не об этом. Как у нас на самом деле все было устроено, он ей показывать не станет.

Дверь открылась.

– Дрыхнешь, братишка?

В нос мне ударил запах перегара.

– Да, – ответил я.

– Пойдем, – шепнула Шеннон, но кровать качнулась – это Карл повалился на нижнюю койку и потянул за собой Шеннон.

– Нам тебя на празднике не хватало, – сказал Карл.

– Прости, – извинился я, – я решил отдохнуть чуток и заснул.

– Круто! Эти дровичлы там орали как резанные, а ты взял

и отрубился.

– Да. – Другого ответа у меня не нашлось.

– Дрочилы – это кто? – спросила Шеннон.

– Шумные придурки с примитивными развлечениями, – пробормотал Карл, – они еще любят американские тачки и трейлеры, – он шумно отхлебнул чего-то из бутылки, – но те, кто сегодня к нам приходил, таким больше не занимаются – их телки им не разрешают. Впрочем, есть и продолжатели традиции – они обычно пасутся на заправке у Роя.

– Значит, дрочила – это... – недопоняла Шеннон.

– Свинья, – сказал я, – свинья-самец. Похотливый и опасный.

– Прямо-таки опасный?

– Ну, его можно кастрировать. Получится боров.

– Боров, – повторила она.

– Строго говоря, сегодня у нас тут как раз стадо боровов и пировало, – хохотнул Карл, – женатые, респектабельные и кастрированные. Но репродуктивная функция у них все равно работает.

– Это называется боров-производитель, – сообщил я, – кастрированный, но сам этого не понимает.

Карл громко рассмеялся.

– Боров-производитель, – повторила Шеннон. Подозреваю, что каждое сказанное нами слово отпечатывалось у нее в мозгу. – Ездят на американских тачках.

– Шеннон обожает американские машины, – сказал

Карл, – она на собственном «бьюике» начала ездить, когда ей одиннадцать исполнилось. Ой!

Я услышал сердитый шепот Шеннон.

– «Бьюик», – удивился я, – неплохо.

– Он врет, сама я не водила, – возразила Шеннон, – просто бабушка давала мне порулить. И машина была древняя и ржавая, а бабушке досталась от ее брата, дяди Лео. Его убили на Кубе, где он воевал против Кастро и Батисты. Автомобиль прислали с Кубы по частям, и бабушка сама его собрала.

Карл засмеялся:

– Лео, значит, было уже не собрать?

– А это какой «бьюик» был? – заинтересовался я.

– «Роудмастер», модель пятьдесят четвертого года, – ответила Шеннон. – Когда я училась в университете, бабушка каждый день отвозила меня на нем в Бриджтаун.

Я, видать, сильно устал, а может, до сих пор похмелье не стряхнул после пунша с пивом, потому что сказал вдруг вслух, что «бьюик» этой модели – один из самых красивых автомобилей в мире.

– Жаль, что ты весь праздник проспал, Рой, – сказала Шеннон.

– О, да ему же лучше, – не согласился с ней Карл, – видишь ли, Рой особо людей не жалует. Ну, кроме меня.

– Рой, ты правда ему жизнь спас? – спросила Шеннон.

– Нет, – ответил я.

– А вот и да! – уперся Карл. – В тот раз, когда мы у Вил-

лумсена купили подержанное снаряжение для дайвинга, а на курсы денег у нас не было, мы его просто напялили и полезли в воду, хотя ни хрена не знали.

– Это я виноват, – сказал я, – я думал, там все просто и достаточно головой подумать.

– У него-то все получилось, – не унимался Карл, – а когда очередь до меня дошла, я напустил в маску воды, труханул и выплюнул трубку. Если б не Рой...

– Да я-то чего, я ж только высунулся из лодки и вытащил тебя из воды.

– В тот же вечер я откупился от этих прибамбасов – мне на них даже смотреть тошно было. Сколько ты мне дал? Сотню крон?

Губы у меня сами собой растянулись в улыбке.

– Помню только, что ты в кои-то веки назначил честную цену.

– Зря ты эту сотню на него потратил! – воскликнула Шеннон. – А ты, Карл, отблагодарил брата за свое спасение?

– Нет, – признался Карл, – Рой – брат намного лучше, чем я.

Шеннон громко рассмеялась, – по-моему, Карл ее пощекотал, потому что даже кровать закачалась.

– Это правда? – спросила Шеннон.

Ответа не последовало, и я понял, что спрашивает она меня.

– Нет, – сказал я, – он врет.

– Вон оно что? И что же он для тебя сделал?

– Он проверял мои сочинения.

– А вот и нет! – возмутился Карл.

– Перед тем как мне надо было сдавать сочинение, он посреди ночи просыпался, крался к моему портфелю, доставал тетрадку, прятался в туалете и исправлял все ошибки. А потом клал тетрадку на место и опять ложился в кровать. И никогда ничего мне не говорил.

– Да это, наверное, один раз всего и было! – сказал Карл.

– Каждый раз это было. И я тоже молчал.

– А почему? – Шепот Шеннон будто сливался с темнотой.

– Не мог же я признаться, что позволяю своему младшему брату за мной дерьмо разгребать, – объяснил я, – а с другой стороны, хорошие оценки мне тоже нужны были.

– Ну ладно, раза два, – уступил Карл, – может, три.

Мы замолчали. Делили молчание на троих. Я прислушивался к дыханию Карла – такому знакомому, словно мое собственное. Но я слышал и дыхание еще одного человека. И ощутил укол ревности – не я сейчас лежу внизу и обнимаю его. Снаружи вдруг донесся леденящий крик. Кажется, кричали где-то на пустоши. Или в Хукене. Шеннон что-то пробормотала.

– Она спрашивает, что это за зверь, – сказал Карл, – ворон, верно ведь?

– Ага. – Я выждал еще пару секунд. Вороны, по крайней мере местные, обычно кричат дважды. Но второго крика не

последовало.

– Он предвещает опасность? – спросила Шеннон.

– Может, и так, – не стал возражать я, – а может, где-нибудь километрах в пяти отсюда сидит еще один ворон, которого мы не слышим, и эти двое просто переговариваются.

– И кричат они по-разному?

– Да, – сказал я, – если подойти близко к гнезду, то кричат они иначе. И самки в основном кричат чаще. Иногда так заведутся, хотя и повода-то нету.

Карл хохотнул. Обожаю, как он смеется. Смех у него теплый и добрый.

– Рой о птицах знает больше, чем обо всем остальном. Разве что о машинах столько же. И о заправках.

– Но не про людей, – добавила Шеннон.

По интонации я так и не понял, вопрос это или утверждение.

– Именно, – подхватил Карл, – поэтому он и давал людям названия птиц. Папа был рогатым жаворонком. А мама – каменной. Дядя Бернард – болотной овсянкой, потому что сперва учился на священника и лишь потом передумал и стал автомехаником, а у болотных овсянок белый воротничок.

Шеннон засмеялась:

– А ты, дорогой, – ты кем был?

– Я был... Кем уж я был-то?

– Луговым коньком, – тихо проговорил я.

– Значит, луговой конек красивый, сильный и умный? – хихикнула Шеннон.

– Может, и так, – поддакнул я.

– Это потому, что он летает выше других, – объяснил Карл, – а еще он громкоголосый и совершает... как уж это называется?

– Вокальные полеты, – подсказал я.

– Вокальные полеты, – повторила Шеннон, – как красиво. А это что такое?

Я вздохнул, будто мне уже осточертело объяснять каждое слово.

– Взлетев как можно выше, он принимается петь, чтобы все видели, как высоко он взлетел, а потом расправляет крылья и опускается – медленно, чтобы лишний раз покрасоваться и показать, какие штуки он умеет.

– Выбитый Карл! – возликовала Шеннон.

– Вылитый, – поправил Карл.

– Вылитый, – повторила она.

– Но даже несмотря на то, что луговой конек любит покрасоваться, хитрецом его не назовешь, – добавил я, – а вот его самого обмануть проще простого. Поэтому его так кукушки и любят – именно в его гнездо они подкладывают свои яйца.

– Бедняжка Карл! – Судя по звуку, Шеннон наградила его смачным поцелуем. – А скажи, Рой, как по-твоему, я – какая птица?

Я задумался.

– Не знаю.

– Да ладно, – не поверил мне Карл.

– Честно, не знаю. Может, колибри? Я, вообще-то, только в горных птицах и разбираюсь.

– Не хочу быть колибри! – запротестовала Шеннон. – Мелкие, сладкоежки – ничего интересного. А можно, я буду та птица, которую я нашла? Как уж там – хрустан?

Я вспомнил белую головку хрустана. Темные глаза. Похожий на короткую стрижку хохолок.

– Ладно, – я не стал возражать, – будешь хрустаном.

– А ты, Рой, – ты сам-то кто?

– Я? Да никто.

– Каждый – какая-нибудь птица. Давай колись.

Я не ответил.

– Рой – рассказчик, который распределяет роли, – пришел мне на помощь Карл, – он никто и сразу все. Он безымянная горная птица.

– Одинокая горная птица без имени, – проговорила Шеннон. – А какие песни поют самцы таких безымянных птиц, когда подыскивают себе пару?

Карл рассмеялся:

– Да уж, Рой, пока ты душу наизнанку не вывернешь, эта девчонка не успокоится.

– Ладно, – уступил я, – главная особенность самца горной птицы в том, что он для самки не поет. Нечего попусту выделяться – так он считает, к тому же в горах и деревьев нет,

на которые присесть можно. Так что вместо этого он, желая понравиться, строит гнезда.

– Отели? – поинтересовалась Шеннон. – Или автозаправки?

– Похоже, отели у него получаются лучше, – ответил я. Они оба засмеялись.

– Ну что ж, пора нашему белозобому дрозду на боковую, – сказал Карл.

Они поднялись с кровати.

– Спокойной ночи. – Карл погладил меня по голове.

Дверь за ними захлопнулась, а я остался лежать, вслушиваясь в тишину.

Он запомнил. Однажды, давным-давно, я рассказал ему, что я – белозобый дрозд. Скромная и осторожная птица, которая прячется между камнями. Карл говорил, что это лишнее, что бояться мне в этом мире нечего. А я ответил, что знаю. Но что все равно боюсь.

Я уснул. Мне приснился прежний сон, его будто поставили на паузу, и он все время дожидался. Услышав крик альпиниста, я проснулся и понял, что кричала Шеннон. Она снова закричала. И еще раз. Карл хорошо ее трахает. Это он молодец. Только спать рядом с ними сложновато. Я прислушался. По-моему, ей уже было достаточно, но они не остановились. Я сунул голову под подушку. А спустя некоторое время вылез из-под нее. Все стихло. Похоже, уснули. Зато ко мне сон больше не шел. Я ворочался в скрипучей кровати и все

раздумывал над словами Эрика Нерелла о том, что ленсман собирается снарядить альпинистов осмотреть «кадиллак».

А потом наконец раздался он.

Второй крик ворона.

И теперь я знал: он предвещает опасность. Не вот прямо сейчас – он, скорее, предсказывает судьбу. Которая ждала меня. И ждала давно. Она терпеливая. Но никогда не забывает. И она припасла для меня хлопоты.

Часть II

5

Карл. Он присутствует почти во всех моих детских воспоминаниях. Карл лежит внизу на кровати. Карл, к которому я прижимаюсь, когда температура воздуха за окном в январе падает до минус пятнадцати, или в других случаях, если чувствую необходимость. Мой младший братишка Карл, с которым мы ссорились так, что он плакал от злости и кидался на меня с кулаками, но каждый раз это заканчивалось одинаково: повалив его на землю, я садился верхом и, удерживая его руки, награждал щелбанами. Вскоре он переставал сопротивляться, но его слабость и податливость вызывали во мне раздражение. Однако стоило ему посмотреть на меня жалобно-беспомощным взглядом младшего брата, как горло у меня вдруг перехватывало, я ослаблял хватку, обнимал его за плечи и давал очередное обещание. Но комок в горле и муки совести оставались со мной еще долго после того, как у Карла высыхали слезы. Однажды папа увидел, как мы деремся. Он ни слова не сказал и встречать не стал – так мы, жители гор, позволяем природе вершить свое жестокое дело и не вмешиваемся, пока наших собственных коз природа не трогает. Драка закончилась тем, что мы с Карлом уселись

на диван, я обнял братишку за плечи и мы оба захлопали носами. Тогда отец удрученно покачал головой и вышел из комнаты.

Еще вспоминаю один случай – мне было двенадцать, Карлу – одиннадцать, а дяде Бернарду исполнилось пятьдесят. И дядя совершил поступок, который мама с папой сочли невероятно щедрым: он пригласил всех в город – в большой город – отпраздновать юбилей в Гранд-отеле. Мама рассказывала, что там и бассейн есть, и мы с Карлом прямо загорелись. Когда мы туда приехали, выяснилось, что бассейна там никакого нету и никогда не было. Я ужасно рассердился, а вот Карл вроде как не поверил, и, когда один из сотрудников предложил показать ему отель, я заметил, что Карл незаметно сунул в карман плавки. Вернувшись, он сказал, что отель охрененный, прямо дворец, и что он, вашу мать, когда-нибудь непременно выстроит себе такой же. Так он сказал. Ну и ругался он намного больше. И потом он упрямо утверждал, будто в тот вечер плавал в Гранд-отеле в бассейне.

По-моему, в этом Карл и мама были похожи: для них мечты побеждали действительность, а оболочка – содержимое. Если все шло не так, как им хотелось, они выдумывали новую реальность и почти не замечали того, чему, по их мнению, быть там не полагалось. Например, нашу прихожую, провонявшую хлебом, мама величала не иначе как холлом. Так и говорила – «хо-олл». В бытность свою подростком она поступила в услужение в семью судовладельца – там она дол-

го работала, сперва служанкой, а потом экономкой, и с тех пор считала, что если назвать вещь по-английски, то получится вроде как по-богатому.

С папой все было наоборот: лопату для хлева он называл навозной и хотел, чтоб все вокруг выглядело и звучало по-американски. Причем не как в американских городах, а как на Среднем Западе, например в Миннесоте, где он жил с четырех до двенадцати лет вместе со своим отцом, которого мы никогда не видели. Америка была папиной землей обетованной. Он и меня назвать хотел Калвином в честь американского президента Калвина Кулиджа. Ясное дело, республиканца. В отличие от своего более харизматичного предшественника Уоррена Гардинга, оставившего за собой шлейф скандалов на букву «к»: коррупция, карты, красотки и кокаин, – Калвин был серьезным трудягой, неторопливым, острым на язык и злым, который, если верить папе, никуда не рвался, а по карьерной лестнице поднимался медленно, но верно, ступенька за ступенькой. Однако маме имя Калвин не понравилось, и поэтому я стал Роем, хотя второе мое имя все-таки Калвин, на это мама согласилась.

У Карла второе имя Абель, в честь Государственного секретаря Гардинга, – по словам папы, тот был умным и обаятельным человеком с великими мечтами. Именно благодаря ему США в 1845 году аннексировали Техас, отчего территория государства выросла почти вдвое. В качестве компромисса Абель допустил, чтобы в Техасе и дальше поддержи-

вались права рабовладельцев, но это, как говорил папа, уже дело десятое.

Может статья, мы с Карлом похожи на тех, чьи имена носим. В деревне у нас никто – кроме разве что старого мэра Оса – понятия не имел, кто такие эти самые Калвин и Абель. Говорили лишь, что я пошел в папу, а Карл – в маму. Но народ у нас в Усе вообще не знает, о чем болтает. Треплют себе языком, и все.

Мне было десять лет, когда отец прикатил домой на «кадиллаке-девиле». Виллум Виллумсен, владелец магазина поддержанных машин, давно хвастался этим шикарным экземпляром. Владелец, мол, привез машину из Штатов, но денег на растаможку у него не хватило, поэтому и пришлось ее продать. Иначе говоря, машина, модель 1979 года, каталась только по ровненьким, вылизанным шоссе в жаркой Неваде и не нажила ни пятнышка ржавчины. Папа медленно кивал. В машинах он не шарил, а я тогда еще во вкус не вошел. Он раскошелился по полной, даже торговаться не стал и уже спустя две недели погнал машину в ремонт. Ну а там выяснилось, что поддельных запчастей в ней столько, сколько бывает разве что в старых жестянках, которыми уставлены улицы Гаваны. Ремонт обошелся дороже самого автомобиля. А народец в деревне ржал и говорил, что, если ты невежда и не научился разбираться в тачках, придется тебе расплачиваться. Браво барышнику Виллумсену. Зато у меня появи-

лась игрушка. Хотя нет, не игрушка, а учебник. Сложный механизм, научивший меня, что, потратив время и вникнув в принцип действия вещи, можно эту самую вещь починить. Главное – думать головой и задействовать руки.

Я все больше времени торчал в мастерской дяди Бернарда, и тот разрешал мне «помогать» – он это так называл, хотя на самом деле вначале я больше мешал ему. Вдобавок папа научил меня боксу. Карл в то время отошел для меня на второй план. Тогда он еще не вымахал, и казалось, будто я из нас двоих буду самым высоким. И Карла обсыпало прыщами. Учился он хорошо, но был тихоней, друзей завел не сказать чтоб много и в основном держался в одиночку. Когда он перешел в старшую школу, я почти все время пропадал в мастерской, так что виделись мы только совсем поздно, перед сном.

Помню, как-то вечером я разглагольствовал о том, как я жду восемнадцатилетия – я стану совершеннолетним и получу права, – и мама, пустив слезу, спросила, неужели я только об одном и думаю: как бы сесть в машину и удрать из Оппгарда.

Сейчас, задним-то числом, легко сказать, что так и надо было поступить. Но тогда все шло наперекосяк, и просто свалить нельзя было – сперва нужно было все исправить. Починить. К тому же куда мне ехать-то было?

А потом пришел день, когда мама с папой погибли, и в воспоминаниях об этом тоже присутствует Карл. Мне было

восемнадцать, ему еще и семнадцати не исполнилось. Мы с ним сидим на крыльце и смотрим, как «кадиллак» выезжает со двора и двигается к Козьему повороту. Это по-прежнему похоже на фильм, который я пересматриваю заново и каждый раз нахожу новые детали.

Произведенный «Дженерал моторс» механизм весом в две тонны приходит в движение и постепенно набирает скорость. Он уже достаточно далеко, и я не слышу, как под шинами шуршит гравий. Тишина, тишина и красные габаритные огни.

Я чувствую, что сердце у меня тоже колотится все быстрее. Двадцать метров до Козьего поворота. Ребята из Дорожной службы собирались поставить вдоль дороги ограждение, но вмешался муниципалитет: последние сто метров, заявили они, это частная собственность, вот пускай Опгарды сами и разбираются. Осталось десять метров. На секунду зажглись стоп-сигналы — они были похожи на две черточки между крышкой багажника и блестящим бампером. Потом они пропали. Все пропало.

– Давай проверим, Рой... Значит, ты в тот вечер, когда случилось несчастье, стоял возле дома. Времени было... – Ленсман Сигмунд Ольсен, склонив голову, просматривал документы.

Глядя на его густые светлые волосы, я вспомнил швабру, стоявшую в школьном актовом зале. Волосы у него были со всех сторон одинаковой длины – и спереди, и сзади, и с боков. А еще у него были такие толстые усы, наподобие моржовых. Наверняка он и швабру на голове, и усы заимел еще в семидесятых. А что, мог себе позволить – на склоненной голове не было ни намека на лысину.

– ...половина восьмого. И ты видел, как машина твоих родителей свалилась с обрыва?

Я кивнул.

– Говоришь, видел стоп-сигналы?

– Да.

– Ты уверен, что это не габаритные огни были? Они тоже красные.

– Стоп-сигналы ярче.

Он быстро взглянул на меня:

– Тебе восемнадцать, верно?

Я снова кивнул. Возможно, он прочел это в документах, а может, вспомнил, что в школе я был на класс старше его

сына Курта.

– В старшей школе учишься?

– Нет, я у дяди в автомастерской работаю.

Ленсман опять склонился над документами:

– Замечательно, значит, ты понимаешь, почему нам это кажется странным: никаких следов торможения мы не нашли. Судя по анализу крови твоего отца, он в тот вечер выпил рюмочку, однако вряд ли он настолько опьянел, что забыл о повороте, ошибся педалью или уснул за рулем.

Я ничего не ответил. У меня было три объяснения наготове, а он их одним махом уничтожил. Четвертого я еще не придумал.

– Карл говорит, вы собирались в больницу – навестить твоего дядю Бернарда Опгарда. Это ты у него в мастерской работаешь?

– Да.

– Но мы побеседовали с Бернардом, и, по его словам, его никто не предупреждал, что к нему гости приедут. Твои родители часто ездили в гости без предупреждения?

– Нет, – ответил я, – они вообще редко куда-нибудь ездили.

Ленсман медленно кивнул и опять уткнулся в документы. Похоже, от этого ему становилось спокойнее.

– Твой отец переживал из-за чего-то?

– Нет, – ответил я.

– Точно? Все, с кем мы уже беседовали, говорят, он ка-

зался расстроенным.

– Вам чего, хочется, чтоб я сказал, будто у него депрессуха была?

Ольсен опять поднял взгляд:

– Ты о чем это, Рой?

– Так вам будет проще. Вы сможете сказать, что это он сам и себя, и маму убил.

– Почему проще?

– Его никто не любил.

– Рой, это неправда.

Я пожал плечами:

– Ладно, у него наверняка была депрессуха. Он все время сидел один – на улицу не выходил и почти ни с кем не разговаривал. Пил пиво. Обычно при депрессиях так и бывает.

– Иногда те, кто страдает от депрессии, очень умело это скрывают. – Ленсман Ольсен старался перехватить мой взгляд, а когда наконец получилось удержать его, спросил: – Твой отец когда-нибудь говорил о том... что ему не нравится жить?

Не нравится жить. Выпалив это, Сигмунд Ольсен облегченно вздохнул и теперь спокойно смотрел на меня.

– Да вашу ж мать – кому жить-то нравится? – спросил я вместо ответа.

На секунду Ольсен замер, пораженный. А потом склонил голову, так что его хиппарская грива укрыла одно плечо. Может, волосы у него и впрямь из швабры сделаны? Мне было

не видно, но я знал, что за письменным столом прячется ремень со здоровенной пряжкой в виде белой бычьей головы. А ниже – сапоги из змеиной кожи. Мы одеваемся в мертвечину.

– Зачем тогда жить, если все равно не нравится, а, Рой?

– А разве не ясно?

– Нет.

– Затем, что мертвым быть еще хуже.

Губернатор назначил нашим опекуном дядю Бернарда. Из службы опеки в Нотоудене приехали две тетки – они осмотрели дом дяди Бернарда, и их, видать, все устроило. Бернард показал им спальни, которые подготовил для нас, и пообещал почаще справляться о том, как у Карла идут дела в школе.

Когда тетки свалили, я попросил дядю Бернарда отпустить нас с Карлом на пару дней домой, в Опгард: тут, в деревне, прямо под окнами гудит шоссе и толком не выспишься. Бернард не возражал и даже дал нам с собой здоровенную кастрюлю лабскауса.

Обратно к дяде мы больше не вернулись, хотя официально наш адрес был там. Это вовсе не означает, что он о нас не заботился. И все деньги, которые дядя получал как опекун, он отдавал нам.

Спустя пару лет, вскоре после ночи, которую я называл ночью «Фритца», дядю Бернарда снова положили в больни-

цу. Как оказалось, опухоль у него разрослась. Он рассказывал мне, как обстоят дела, а я сидел возле его кровати и ревел.

– Если грифы без спроса въезжают к тебе в дом, то дело ясное – жить тебе осталось недолго.

Грифами он называл дочь с зятем.

Дядя говорил, что ничего плохого дочка ему не сделала и что она просто не нравится ему как человек. Однако я прекрасно знал, о ком думал дядя, объясняя, кто такие мародеры: это, мол, те, кто по ночам подает кораблям ложный сигнал, а после кораблекрушения эти самые корабли грабит.

Дочка дважды приходила к нему в больницу. В первый раз узнавала, сколько ему осталось, а во второй – за ключом от дома.

Дядя Бернард положил руку мне на плечо и рассказал древний анекдот про «фольксваген» – видать, хотел меня рассмешить.

– Ты же умрешь! – завопил я, разозлившись.

– Так и ты тоже, – сказал он, – причем как раз в таком порядке это и случится, и это правильно. Согласен?

– Да чего ты анекдоты-то травишь?

– Ну, – начал он, – когда ты по горло в дерьмище, самая глупость – это вешать голову.

Я рассмеялся.

– И у меня есть последняя воля, – добавил он.

– Сигарету тебе?

– И сигарету тоже. А второе – сдай этой осенью теоретический экзамен.

– Этой осенью? – не поверил я. – Так мне же пять лет практики надо, а у меня столько нету.

– Есть. Со всеми сверхурочными еще как есть.

– Но это же не считается...

– Для меня считается. Я бы зеленого механика сроду до экзамена не допустил, ты и сам это знаешь. Просто ты – мой лучший механик. Поэтому в конверте на столе лежат документы, в которых написано, что ты работал у меня пять лет. На даты особо внимания не обращай. Ясно?

– Как божья тень, – сказал я.

Это была наша шутка – у Бернарда как-то работал один механик, который вот так перевирал это выражение, хоть и использовал его на каждом шагу, а Бернард не поправлял. Тогда я в последний раз услышал, как дядя Бернард смеется.

Когда я сдал теоретический экзамен, а через несколько месяцев – практический, дядя Бернард уже лежал в коме. И когда его дочка велела врачам отключить его от систем жизнеобеспечения, мастерской заправлял я – сопляк в возрасте двадцати одного года. Тем не менее я был поражен, хотя нет, поражен – это уж чересчур, скорее, просто удивлен, когда выяснилось, что в завещании дядя Бернард отписал автомастерскую мне.

Дочурка его, ясное дело, возражала, говорила, что я все

эти годы манипулировал ее бедным отцом, старым и больным. Я отвечал, что собачиться у меня сил нет и что дядя Бернард оставил мне мастерскую не для того, чтобы я разбогател, а чтобы кто-то из семьи и дальше продолжал его дело. Поэтому, если ей хочется, я могу выкупить у нее мастерскую по той цене, которую она назовет, тогда я, по крайней мере, выполню дядину волю. Она назвала цену. Мы, Опгарды, не торгуемся, но столько заплатить я не мог, было это намного больше доходов, которые мастерская приносила. Тогда дочка выставила мастерскую на продажу, однако покупателей не нашлось, хотя она все снижала стоимость, так что в конце концов пришлось ей вернуться ко мне. Я заплатил столько, сколько предлагал с самого начала, она подписала договор и вышла из мастерской с таким видом, будто ее обманули.

Я хозяйничал в мастерской, стараясь управлять ею по возможности правильно, вот только опыта мне не доставало, да и мода на такие мастерские давно прошла. Впрочем, могло бы быть хуже: когда другие мастерские в округе начали закрываться, нам работы прибавилось. У меня даже Маркус продолжал работать. Но по вечерам, сверяя бухгалтерию – Карл, который в школе углубленно изучал экономику и отличался от кредита, мне помогал, – я понимал, что две бензоколонки перед входом в мастерскую приносят нам больше, чем сама мастерская.

– Сегодня дорожная полиция приезжала, – сказал я как-то раз, – если мы хотим сохранить лицензию, то нам надо

оборудование обновить.

– Дорого? – спросил Карл.

– Тысяч двести. Может, чуть больше.

– Столько у нас нету.

– Сам знаю. И чего теперь делать?

Я сказал «нам», потому что мастерская кормила нас обоих. А спросил я потому, что, хоть и знал ответ, хотел, чтобы Карл произнес его вслух.

– Продай мастерскую, а бензоколонку оставь, – сказал Карл.

Я потер шею, там, где Грета Смитт прошла бритвенным танком и где теперь торчали отросшие волоски. «Под ежик» – так она сказала. Немодно, но зато классика, поэтому даже через десять лет, разглядывая фотографии, я буду думать, что не сильно изменился. А потом люди скажут, что я сделался совсем как отец, вылитый, и меня это бесило, потому что я знал, что они правы.

– Я прекрасно понимаю, что тебе больше нравится в железках копать, чем бензин заливать, – сказал Карл, когда прошло уже несколько минут, а я не кивал и не плевался.

– Ничего, все равно железок все меньше и меньше, – вздохнул я, – машины теперь делают по-другому. И работа нам достается дурацкая. Сейчас все делают без души. – Мне был двадцать один, а говорил я, словно шестидесятилетний дед.

На следующий день взглянуть на мастерскую явился Вил-

лум Виллумсен. Виллумсен был тучный от природы. Во-первых, сами пропорции требовали внушительного живота, ляжек и подбородка – так вся фигура приходила в равновесие. Во-вторых, ходил он, говорил и жестикулировал, как толстяк, – даже и не знаю, как иначе объяснить. Впрочем, могу попробовать: шагая, Виллумсен выкидывал ноги вперед и переваливался с боку на бок, как утка, говорил громко, размахивая руками и корча гримасы. Иначе говоря, места Виллумсен занимал много. Ну а в-третьих, он курил сигары. А если ты не Клинт Иствуд, да при этом еще и толстый, но изо рта у тебя торчит сигара, тебя едва ли кто будет воспринимать всерьез – из-за этого даже Уинстону Черчиллю и Орсону Уэллсу нелегко приходилось. Виллумсен торговал поддержанными автомобилями, а те, которые ему не удавалось никому навязать, Виллумсен разбирал на запчасти – порой и я у него кое-что покупал. Он и другие подержанные вещи продавал, и ходили слухи, что, если у тебя водится ворованный товар, Виллумсен им не побрезгует. И если тебе надо по-быстрому одолжить денег, а у банка нет к тебе особого доверия, то у Виллумсена вполне можно разжиться нужной суммой. Но боже тебя упаси не вернуть долг вовремя – для таких случаев Виллумсен приглашал из Дании головореза, а тот, вооружившись кусачками, убеждал тебя, что даже ограбить собственную мать – преступление не такое уж и страшное. Этого датского головореза никто не видел, однако в бытность мою мальчишкой мы как-то заметили возле

магазина Виллумсена белый «ягуар» с датскими номерами. Белая, похожая на торпеду машина из Дании – других доказательств нам не требовалось.

Виллумсен оглядел инструменты и технику, все, что можно открутить и отвинтить, а затем назначил цену.

– Как-то не особо щедро, – сказал я, – ты сам в теме и знаешь, что здесь все самого лучшего качества.

– Ага, но ты же сам сказал, Рой, чтобы сохранить лицензию, оборудование надо обновить.

– Но тебе не нужна лицензия, Виллумсен, – ты ж рухлядью торгуешь, и починить ее достаточно так, чтоб неделю после продажи бегала, а дальше пускай хоть на куски разваливается.

Виллумсен громко заржал:

– Я даю такую цену не потому, что это нужно мне, а потому, что это больше не нужно тебе, Рой Опгард.

Я каждый день узнавал что-нибудь новенькое.

– На одном условии, – сказал я, – пускай Маркус останется в деле.

– Прямо как волшебный гномик, да? Потому что, между нами говоря, гном из Маркуса лучше, чем механик.

– Это мое условие, Виллумсен.

– Не уверен, что мне нужен гном, Рой. Налоги и страховка – лишние расходы.

– Я в курсе, но Маркус будет следить, чтоб развалюхи, которыми ты торгуешь, разваливались не прямо посреди доро-

ги. Сам-то ты за таким не следишь.

Виллумсен почесал самый нижний из своих подбородков, сделал вид, будто обдумывает мои слова, глянул на меня огромными осьминожьими глазами и назвал цену еще ниже.

Мне все это осточертело. Я согласился, и Виллумсен тотчас же протянул мне руку, наверняка чтобы я не успел передумать. Я посмотрел на его торчащие серо-белые пальцы, похожие на наполненную водой резиновую перчатку, и, передернувшись, пожал ее.

– Я завтра приду и все заберу, – сказал Виллумсен.

Виллумсен уволил Маркуса спустя три месяца, во время испытательного срока, чтобы не выплачивать деньги за увольнение. Уволил он его на том основании, что Маркус якобы опаздывал на работу и, даже получив предупреждение, продолжал опаздывать.

– Это правда? – спросил я Маркуса, когда тот явился ко мне и спросил, можно ли устроиться на мою заправку, состоявшую из одного заправщика. Теперь я проводил на этой заправке по двенадцать часов в день.

– Да, – ответил Маркус, – в сентябре на десять минут. И в ноябре на четыре.

Так два бензиновых шланга стали кормить троих. Я поставил на заправке холодильник с газировкой и стойку со всякой снедью. Но местным до супермаркета было ближе, да и выбор там был побольше.

– Ничего не выходит. – Карл показал на вычисления, которые мы с ним записывали вместе.

– Дальше в долине участки под дачи начали продавать, – сказал я, – подожди до зимы – тогда все эти дачники через нас поедут.

Карл вздохнул:

– Упрямый ты как осел.

Однажды перед заправкой остановился здоровенный кроссовер, из которого вылезли двое. Они обошли вокруг здания бывшей мастерской и мойки, будто чего-то искали. Я вышел на улицу.

– Если вам в туалет, то он тут, внутри! – крикнул я.

Эти двое подошли ко мне, вручили визитные карточки, где было написано, что они работают в крупнейшей в стране сети автозаправок, и предложили поговорить. Я спросил:

– О чем поговорить? – А потом понял, что это Карл их пригласил.

Они сказали, что я молодец: из такой маленькой заправки столько выжал, и объяснили, что можно добиться и еще кое-чего.

– Франшиза, – сказали они, – на десять лет.

От их внимания не укрылись новые дачи, как и прибывающий поток машин у нас на шоссе.

– Что ты им сказал? – спросил Карл, когда я вернулся домой.

– Спасибо сказал. – Я сел за стол, на который Карл поста-

вил тарелку с фрикадельками быстрого приготовления.

– Спасибо? – переспросил Карл. – В том смысле, что... – он вглядывался в мое лицо, а я подцепил вилкой фрикадельку, – в смысле, спасибо, но нет? Рой, да отвечай же, мать твою!

– Они всё хотели купить, – сказал я, – и здание, и землю. Естественно, кучу денег предлагали. Но мне нравится на себя работать. Это во мне фермер говорит.

– Но твою ж мать, мы еле-еле держимся.

– Чего ж ты меня не предупредил?

– Ты бы тогда сразу же и отказался и даже слушать их не стал.

– Тоже верно.

Карл застонал и закрыл руками лицо. Посидев так немного, он вздохнул.

– Ты прав, – наконец проговорил он, – зря я влез. Прости, я просто помочь хотел.

– Знаю. Спасибо.

Он раздвинул пальцы и посмотрел на меня одним глазом:

– То есть ты от них так ничего и не получил?

– Почему же, получил.

– Правда? И что?

– Им до дома долго было добираться, поэтому они полный бак залили.

Хотя папа чуть-чуть обучил меня боксу, не знаю, хорошо ли я на самом деле дрался. Однажды в Ортуне были танцы – выступала на них довольно древняя группа, распевавшая заезженные шведские хиты. Музыканты, все до одного, были одеты в белые костюмы в облипку. Вокалист, высокий худой парень, которого все называли Род, потому что он подражал Роду Стюарту и сказал однажды, что хотел бы трахать телочек направо и налево, прямо как Род Стюарт, квакал со сцены на своем удивительном шведско-норвежском, отчего напоминал странствующего проповедника Арманда. Этот самый Арманд заезжал время от времени в нашу деревню – рассказывал, что вера пробудилась в наших соотечественниках и что это хорошо, ведь вот-вот грянет Судный день. Загляни наш Арманд в тот вечер в Ортун – и понял бы, что потрудиться ему предстоит немало. Отдыхающие разного возраста и обоих полов напивались прямо на лужайке перед домом культуры. Они притаскивали самогонку с собой и глотали ее на улице – попытайся они пронести выпивку внутрь, ее бы отняли. Внутри же все разбилось на пары и топталось на танцполе, а Род квакал про карие глаза. Но вскоре и танцующие шли на улицу догнаться самогонкой или в ближайшую рощицу – перепихнуться, поблевать или облегчиться. Некоторые даже и до рощицы ленились дойти. Рассказывали, как

однажды Род вытащил на сцену особо горячую фанатку, – он как раз исполнял песню собственного сочинения под названием «Думай обо мне сегодня ночью», полностью слизанную с клэптоновской «Wonderful Tonight». Пропев два куплета, он велел гитаристу сыграть соло, а сам утащил и телочку, и микрофон за сцену, так что когда пришло время третьего куплета, все услышали лишь пыхтение и стоны, а еще чуть попозже Род, покачиваясь, вылез на сцену и подмигнул паре девчонок на танцполе. Перехватив их испуганные взгляды, Род оглядел себя и увидел на своих белых брюках кровавые пятна. Он допел последний припев, сунул микрофон в подставку, улыбнулся и, вздохнув, объявил следующую песню.

Летние вечера, длинные и светлые. Обычно драться начинали часов в десять, не раньше.

Начинали двое мужчин, а поводом почти всегда становилась женщина.

Женщина, с которой один из мужчин вдруг решал заговорить, или с которой он чересчур долго танцевал, или к которой он слишком тесно прижимался. Возможно, в тот субботний вечер они начали нагружаться задолго до дискотеки, но час расплаты уже наступил.

Как я уже сказал, женщина бывала лишь поводом для тех, кто жаждал набить другому морду, а таких находилось немало. Они полагали, будто отлично дерутся, а больше ничего не умеют, и Ортун для них становился площадкой для боя. Впрочем, иногда причиной была настоящая ревность – та-

кое бывало, когда в драке участвовал Карл, потому что сам по себе он на мордобой не нарывался. Для этого Карл был чересчур обаятельным и открытым, и дерущиеся до него не снисходили. Если кто и кидался на Карла с кулаками, то просто потому, что тот под руку попадался. Иногда Карл вообще ничего не делал, только девчонок смешил или обходился с ними галантнее, чем их ухажеры; бывало, слишком уж засмотрится своими голубыми глазами на кого-нибудь из девчонок, но ничего больше. Ведь у Карла и девушка была, причем не кто-нибудь, а дочка мэра. Опасности он не представлял. Но в парях самогонки все видится иначе, вот храбрецы и вознамерились показать этому красавчику с хорошо подвешенным языком, кто тут хозяин. Они прицепились к нему, а когда тот искренне, почти высокомерно удивился, полезли с кулаками. Ну а так как защищаться Карл не желал, разозлились еще сильнее.

Вот тут-то я и вмешался.

По-моему, моя стратегия заключалась в том, чтобы *обезопасить* противника, помешать ему нанести вред, – я что-то вроде сапера, который обезвреживает мины. Я практик и разбираюсь в механике, может, поэтому. Я знаю, что такое сила тяжести, масса и скорость. Поэтому я сделал все необходимое, чтобы остановить тех, кто бросился с кулаками на моего младшего брата. Все необходимое – ни больше ни меньше. Кому-то пришлось пожертвовать носом, кому-то – ребром, а еще кому-то – челюстью. По челюсти я заехал

одному пареньку, который жил на окраине деревни и который вмазал Карлу по носу.

На расправу я был скор. Помню, что костяшки пальцев у меня потрескались, рукава рубашки алели от крови, а кто-то сказал:

– Хватит, Рой, прекращай.

Но нет, мне было недостаточно. Удар по окровавленной физиономии того, кого я прижимал к земле. Еще один удар – и проблема решена навсегда.

– Рой, ленсман идет.

Я наклоняюсь и шепчу в ухо, вокруг которого текут струйки крови:

– Брата моего больше не тронешь, ясно тебе?

Стеклянный взгляд, в нем нет ни боли, ни пьяного угара, глаза смотрят на меня, но не видят. Я заношу кулак. Голова кивает. Я поднимаюсь, отряхиваюсь и иду к «Вольво-240». Двигатель работает, а дверца у водительского сиденья распахнута. Карл уже улегся на заднее сиденье.

– Не вздумай изгваздать сиденье кровищей, – бросил я и газанул так, что из-под задних колес полетели ошметки травы.

– Рой, – пробормотал сзади хриплый голос, когда мы миновали первые повороты на серпантине.

– Ага, – отозвался я, – я ничего Мари не скажу.

– Да я не об этом.

– Тебе чего, поблевать приспичило?

– Нет! Я должен тебе кое-что сказать!

– Ты б лучше...

– Я люблю тебя, братишка.

– Карл, не надо...

– Надо! Я придурок конченный, а ты... ты все равно каждый раз меня вытаскиваешь. – Голос у него сорвался. – Рой... кроме тебя, у меня никого нет.

Я посмотрел на свою окровавленную руку, сжимающую руль. В голове прояснилось, и кровь приятно пульсировала в венах. Я вполне мог ударить еще разок. Тот уродец, которому я навалял, был просто ревнивый дурачок, неудачник, и получил он достаточно. Но как же меня *тянуло* еще разок ему врезать.

Позже выяснилось, что парень, которому я сломал челюсть, нарочно шарился по дискотекам, где не знали, что он хорошо дерется, цеплялся к кому-нибудь, а потом дрался. Узнав про сломанную челюсть, я стал ждать, что он заявит на меня в полицию, но он не заявил. То есть он пошел к нашему ленсману, а тот посоветовал парню спустить все на тормозах, потому что у Карла, мол, ребро сломано. Последнее было неправдой. А позже эта сломанная челюсть оказалась неплохим вложением: если Карл попадал в передрыгу, мне было достаточно подойти к брату и, скрестив руки, встать рядом – и его обидчики разбегались.

– Мать твою, – хлюпал носом Карл, когда мы позже тем же вечером уже лежали в кроватях, – я же просто добрый.

Девчонок смешу. А парни бесятся. А ты – ты пришел и спас своего брата и из-за меня нажил себе новых врагов. Твою ж мать, – он снова шмыгнул носом, – прости, – он постучал по рейкам под моей койкой, – ты слышишь? Прости!

– Они просто кучка придурков, – успокоил его я, – спи давай.

– Прости!

– Спи, говорю!

– Угу. Ладно. Но, Рой, слушай...

– Мм?

– Спасибо. Спасибо, что ты...

– Все, заткнулся, ясно тебе?

– ...что ты мой брат. Спокойной ночи.

Все стихло. Вот и славненько. Снизу доносилось ровное дыхание. Успокоился. Нет ничего лучше младшего брата, который наконец успокоился.

А вот на том деревенском празднике, из-за которого Карл покинул и деревню, и меня, никто никому и не думал морду бить. Карл тогда напился, Род, как обычно, блял песенки, а Мари рано ушла домой. Может, они с Карлом поссорились? Возможно. Дочка мэра Мари всегда сильнее, чем Карл, беспокоилась о том, как она выглядит со стороны, – по крайней мере, ее злило, что Карл на вечеринках всегда напивался. Хотя, возможно, ей на следующий день просто надо было рано вставать – идти с родителями в церковь или готовиться к экзамену. Нет, не такая уж она была святоша. Правильная –

это да, но не святоша. Ей просто не нравились штуки, которые Карл откалывал, нагрузившись. И она скидывала Карла на свою лучшую подружку Грету, а та и рада была. Что Грета по уши втрескалась в Карла, разве что слепой не заметил бы, но Мари, вполне вероятно, этого не видела, по крайней мере того, что случилось, она явно не ожидала. Что Грета, потоптавшись с Карлом на танцполе и дождавшись, когда Род по обыкновению закончит вечер, просипев «Love Me Tender», потащит Карла в рощицу. Там, если верить Карлу, он ее и оприходовал – стоя, прижав к дереву. Сам он говорил, что отключился, а включился от шуршания – ее пуховик, мол, терся о кору и шуршал. А потом шуршание вдруг стихло, потому что пуховик порвался и из него, как крошечные ангелы, полетели перья. Это он так сказал. «Крошечные ангелы». И в тишине до него вдруг дошло, что сама Грета не издала ни единого звука – либо потому, что боялась испортить волшебное чувство, либо же потому, что ей то, чем они занимались, особого удовольствия не доставляло. Поэтому Карл тоже на этом успокоился.

– Я предложил ей новую куртку купить, – рассказывал Карл на следующее утро с нижней койки, – но она отказалась, типа зашьет, и все. И тогда я предложил... – Карл застонал. В воздухе висел запах перегара. – Предложил ей помочь зашить.

Я смеялся так, что слезы потекли, и услышал, как он натянул на голову одеяло.

Я свесился с койки:

– И чего теперь делать будешь, донжуан?

– Не знаю, – слышалось из-под одеяла.

– Вас кто-нибудь видел?

Нет, их никто не видел – по крайней мере, прошла неделя, а никаких слухов про Грету и Карла до нас не дошло. И до Мари, похоже, тоже.

И нам уже казалось, что все позади.

А потом Грета заявила в гости. Мы с Карлом сидели в зимнем саду и смотрели на дорогу, когда из-за Козьего поворота вдруг выехала Грета.

– Мать твою, – пробормотал Карл.

– Приехала к белошвейке, – сказал я, – кое-чего зашить.

Карл упросил меня, и в конце концов я вышел к Грете и сказал, что Карл сильно простужен. И простуда эта заразная. Грета пристально посмотрела на меня – смерила меня глазами, словно разделенными длинным хребтом носа, блестящего от пота. Затем она развернулась и пошла к велосипеду, а там отвязала с багажника пуховик и натянула на себя. По спине, словно шрам, тянулся ряд стежков.

На следующий день она вернулась. Открыл Карл. Он и рта открыть не успел, как она сказала, что любит его до безумия. На это Карл ответил, что случившееся – ошибка, что он был пьяный и что сожалеет.

Еще через день ему позвонила Мари. Грета обо всем ей рассказала, и дочка мэра больше не желала встречаться с

парнем, который ей изменил. Карл потом говорил, что Мари плакала, но в остальном говорила спокойно. И он не понимал. Не того, что Мари его бросила, а что Грета выложила ей все, что случилось в рощице. Грета злится на него и за пуховик, и за все остальное и хочет отомстить – это понятно. Ладно. Но ведь так она лишилась единственной подружки, а ведь это то же самое, что выстрелить себе в ногу, разве нет? Ответить мне было нечего, но я вспомнил рассказ дяди Бернарда о мародерах. Тогда я и решил, что Грета – как подводный камень. Лежит себе невидимый под водой и только и ждет, как бы продырявить какой-нибудь корабль. Ее в определенном смысле жаль, она заложница собственных злых чувств, но ее предательство по отношению к Мари не меньше, чем Карлово. И я в этом существе женского пола видел нечто, чего Карл не замечал. Внутреннее зло. То, которое лечит боль утраты, если при этом теряем не только мы сами, но и еще кто-нибудь. Психология убийцы-шахида. С той разницей, что сам шахид остается в живых. По крайней мере, продолжает существовать. Сует людей в солярий. И стрижет их.

Спустя несколько недель Мари внезапно переехала из Уса в город. Сама она утверждала, будто уже давно собиралась уехать и что едет учиться.

А еще через несколько недель Карл так же неожиданно заявил, что получил стипендию на факультете финансов и

управления бизнесом в Миннесоте, США.

– Отказаться ты, естественно, не можешь, – сказал я и сглотнул.

– Наверное, не могу. – Он вроде как сомневался, но меня-то не обманешь. Я понимал, что он давно уже все решил.

Все закрутилось – у меня было полно работы на заправке, а Карл готовился к отъезду, поэтому больше мы с ним это не обсуждали. Потом я отвез его в аэропорт – ехать туда несколько часов, но мы во время поездки почти не разговаривали. Шел проливной дождь, и шуршание дворников скрадывало тишину.

Когда мы остановились возле зала вылетов, я заглушил двигатель и кашлянул.

– Ты вернешься?

– Чего-о? Ну ясное дело, вернусь, – соврал он, широко улыбнувшись, и обнял меня.

Когда я возвращался в Ус, по-прежнему шел дождь.

Я остановил машину во дворе и пошел в дом, к привидениям.

Итак, Карл вернулся домой. Был пятничный вечер, и я остался на заправке один. Как говорится, наедине с собственными мыслями.

Когда Карл уехал в Штаты, мне казалось, что он хочет пойти дальше, достичь чего-нибудь, расширить кругозор и свалить из этой деревенской дыры. Но еще мне казалось, что он убегает от воспоминаний, от окутавших Опгард теней. И лишь теперь, когда он вернулся, меня вдруг осенило, что, возможно, уехал он из-за Мари Ос.

Она бросила Карла, потому что тот спутался с ее лучшей подружкой, однако для Мари это стало отличным поводом. В конце концов, она метила выше, чем свадьба с каким-то Опгардом, простым горным фермером. Это доказывал и тот, кого она выбрала себе в мужа. Мари познакомилась с Даном Кране в Университете Осло, где оба они активно поддерживали Рабочую партию. Родом Дан Кране тоже был из упакованной семейки, жившей на западе столицы. Женившись на Мари, он получил работу редактора в газете «Ус блад», потом у них с Мари родились близнецы, а дом они отгрохали даже больше, чем тот, где жили родители Мари. Если злые языки прежде и болтали, что Карл Опгард оказался ей не по зубам, то теперь они умолкли: Мари взяла реванш, и даже больше.

Но вдруг объявился Карл, этот жалкий борец за утраченное положение и честь. Неужто он ради этого вернулся? Чтобы продемонстрировать всем трофейную жену, «кадиллак» и проект отеля, какого в деревне никто сроду не видал?

Ведь проект-то совершенно безумный, ну да, почти безнадёжный. Во-первых, Карл решил строить отель на такой высоте, где деревья уже не растут, а значит, туда надо проложить несколько километров дороги. Но нельзя же называть отель высокогорным и при этом строить его там, где полно деревьев, хотя другие владельцы отелей так на голубом глазу и делают.

Во-вторых, кто вообще останавливается в отелях, чтобы сидеть в парилке и плавать в бассейне, где мочи больше, чем воды? Ведь на такое только горожане и горазды?

И в-третьих, ему ни за что не уговорить наших деревенских променять ферму и землю на воздушный замок. Риски надо разделить поровну, то есть убедить всех. А как этого добиться в такой деревне, где недоверие к новому – если, конечно, это новое не модель «форда» и не кино со Шварценеггером – впитывается, как говорится, с молоком матери.

А еще, разумеется, вопрос в том, зачем ему все это. Если верить Карлу, то горный спа-отель спасет деревню от медленной смерти.

Вот только поверят ли местные в такое благородство, или же они решат, что он, Карл Опгард, просто хочет выпендириться? Потому что такие, как Карл, только этого и хотят – в

большом мире он уже достиг успеха, зато в родной деревне остался обычным кобелем, который поджал хвост и сбежал, когда его бросила мэрова дочка. Ведь главное в жизни – это заслужить признания дома, там, где, как тебе кажется, тебя недооценили и где тебе одновременно хочется и отомстить, и стать освободителем. «Я тебя насквозь вижу», – так у нас тут говорят, а в голосе слышатся и угроза, и утешение. А значит это, что все вокруг знают, кто ты такой *на самом деле*. И знают, что надолго за блефом и мишурой не спрячешься.

Я взглянул на дорогу, в сторону площади.

Прозрачность. Вот оно – проклятие и благословение нашей деревни. Всё рано или поздно всплывает на поверхность. Всё. Однако Карл, похоже, готов рискнуть – уж очень ему хочется, чтобы ему на площади тоже поставили памятник, а этой чести пока удостаивались лишь мэры, проповедники и танцовщицы.

Дверь открылась, и из размышлений меня выдернула Юлия:

– А чего это ты сам в ночную сегодня?

Она с деланным ужасом закатила глаза. Старательно пережевывая жвачку, девушка переступила с ноги на ногу. Она принарядилась: короткая куртка, обтягивающая футболка, да и накружилась ярче, чем обычно. Она явно не ожидала меня здесь сегодня застать и оттого, что я увидел ее в этом наряде, смущалась. Прямо как красотка, готовая запрыгнуть в машину к лихачам. Мне-то плевать, а вот ей, судя по все-

му, нет.

– Эгиль заболел, – ответил я.

– А почему ты никого не вызвал? – спросила она. – Меня, например. Вовсе не обязательно самому...

– Он слишком поздно предупредил, – сказал я. – Так чего тебе, Юлия?

– Ничего, – для пущей убедительности она надула из жвачки пузырь, – хотела Эгиля поведать.

– Ладно, я ему передам от тебя привет.

Она смерила меня взглядом – слегка затуманившимся. К ней вернулась уверенность в себе, та самая, благодаря которой ей так хорошо удавалась роль крутой Юлии.

– А в молодости, Рой, ты что делал вечерами по пятницам? – Язык у нее слегка заплетался, и я понял, что она чуток выпила.

– На танцы ходил, – ответил я.

Она вытаращила глаза:

– Ты танцевал?

– Можно и так сказать.

Снаружи взревел двигатель. Словно дикий зверь зарычал. Или завыл, призывая самку. Юлия с деланным раздражением взглянула на дверь, а затем развернулась спиной к стойке, уперлась в нее руками – так что короткая куртка поползла вверх, – подпрыгнула и уселась рядом с кассой.

– А у тебя было много девчонок, Рой?

– Нет. – Я посмотрел на установленные рядом с колонка-

ми камеры.

По выходным кто-нибудь непременно заливает бензин и уезжает, не заплатив. Когда я об этом рассказываю, все возмущаются – мол, какие эти дачники мерзавцы. А я возражаю: дачники богатые, вот и не думают о деньгах. Мы тогда отправляем по адресу, на который зарегистрирован автомобиль, вежливую просьбу оплатить бензин, и в ответ на девять из десяти обращений получаем письмо с извинениями – они просто-напросто забыли заплатить. Потому что они, в отличие от нас с Карлом и папой, никогда, заправляя «кадиллак», не видели, как вместе с сотенными исчезает и надежда потратить их на что-нибудь еще – компакт-диски, новые брюки, поездку на машине по Штатам, о которой папа без конца говорил.

– А почему? – не отставала Юлия. – Ты же сексуальный, прямо держись. – Она хихикнула.

– Тогда я таким не был.

– Ну а сейчас в чем дело? Почему у тебя нету девушки?

– У меня была когда-то, – сказал я, протирая стойку для еды. Посетителей сегодня было немало, но сейчас дачники уже разъехались по дачам. – Мы поженились, когда нам было по девятнадцать, но во время свадебного путешествия она утонула.

– Чего-о? – Юлия разинула рот, хоть и знала, что я сочиняю.

– Мы как раз шли на моей яхте по Тихому океану, а неве-

ста моя перебрала шампанского и вывалилась за борт. Напоследок только и успела пробулькать, что любит меня.

– А почему ты за ней не бросился?

– Такие яхты ходят намного быстрее, чем ты плаваешь. Мы б тогда оба утонули.

– Ну и что. Ты же ее любил.

– Ага, поэтому я ей даже спасательный круг бросил.

– И то ладно, – Юлия сидела сторбившись и упершись ладонями в стойку, – но она умерла, а ты продолжаешь дальше жить, так получается?

– Мы много без чего обходимся, Юлия. Поживешь – увидишь.

– Нет, – безразлично бросила она, – не собираюсь я ждать. То, что мне нужно, я получу.

– Ясненько. И чего ж тебе нужно? – Вопрос вырвался у меня случайно, я словно поймал мяч и машинально бросил его обратно через сетку. И прикусил язык, увидев, как Юлия буравит меня взглядом и как губы ее расплываются в улыбке.

– Ты небось порнушку часто смотришь. После того, как девушка твоя утонула. А так как ей было девятнадцать, ты, наверное, в поисковике набираешь «девятнадцатилетние с большими сиськами», да?

Я слишком долго думал, как возразить, и она – я это прекрасно понимал – решила, будто попала в точку. От этого я растерялся еще больше. Разговор наш уже зашел в тупик. Ей семнадцать, а я ее начальник, и Юлии взбрело в голову, что

именно я ей и нужен. И вот она, накрашенная, нарядная и храбрая, затеяла игру – ей казалось, будто играть в нее она умеет, потому что это действует на парней, которые ждали ее в машине. Все это я запросто мог ей высказать. Так я спас бы собственную гордость, но сбросил бы эту нагрузившуюся шампанским девчонку с яхты. Так что вместо этого я лихорадочно искал спасательный круг – для себя и для нее.

Спасательный круг нарисовался на пороге, когда дверь распахнулась. Юлия быстро спрыгнула со стойки.

В лицо я его узнал не сразу, однако машины на заправку не заезжали, поэтому посетитель явно был из местных. Тотский, со впалыми щеками, отчего лицо смахивало на песочные часы, а на лысом черепе пушок.

Остановившись у порога, он уставился на меня так, будто больше всего на свете ему хотелось сбежать. Может, я ему тогда, в Ортуне, тоже навалял? Разукрасил физиономию, а он и запомнил? Он медленно двинулся к стойке с компакт-дисками и принялся их разглядывать, время от времени озираясь на нас.

– Это кто? – прошептал я.

– Отец Наталии Му, – шепнула в ответ Юлия.

Жестянщик. Ну естественно, это он! Хотя он изменился. Как говорится, сильно сдал. Может, заболел тяжело, потому что выглядел прямо как дядя Бернард под конец жизни.

Му подошел к нам и положил на стойку компакт-диск. Роджер Уиттакер, лучшие песни. Скидочный. Казалось, буд-

то Му стыдится собственных музыкальных вкусов.

– Тридцать крон, – сказал я, – карта или...

– Наличные, – ответил Му, – а Эгиль сегодня не работает?

– Заболел, – сказал я, – еще что-нибудь?

Му замешкался.

– Нет, – проговорил он наконец, взял сдачу, диск и двинулся к выходу.

– Ух ты. – Юлия снова запрыгнула на стойку.

– В смысле – ух ты?

– Ты чего, не заметил? Он же сделал вид, будто меня не знает.

– Волновался он – это да, это я заметил. И судя по всему, его любимый продавец Эгиль. Что бы там он у него ни покупал.

– В смысле?

– Кому припрет в пятницу вечером бежать за диском Роджера Уиттакера? Му купил этот диск, потому что схватил самый дешевый.

– Да он за презиками пришел, но застремался, – рассмеялась Юлия, и мне почудилось, что говорит она со знанием дела, – наверняка на стороне трахается. У них это семейное.

– Прекрати, – одернул ее я.

– Или за антидепрессантами – он же обанкротился. Видал, как он пялился на полку с таблетками у тебя за спиной?

– У нас только от головной боли таблетки, – по-твоему, он этого не знает? А я и не слышал, что он банкрот.

– Господи, Рой, ты же ни с кем не общаешься. Вот люди тебе ни о чем и не рассказывают.

– Может, и так. А ты сегодня что, не собираешься на праздник молодости?

– Молодости! – фыркнула Юлия и не сдвинулась с места. Судя по всему, она придумывала повод остаться. Из рта у нее показался еще один пузырь, а потом тотчас же лопнул. Юлия зашла с другого конца: – Симон говорит, ваш отель похож на фабрику. В такое дело никто не вложится.

Симон Нергард был дядей Юлии. Он-то точно мои кулаки запомнил. Крепко сбитый, он учился на класс старше, занимался спортом и даже пару раз ездил в город на турниры. Как-то раз Карл танцевал с девчонкой, которая нравилась Симону, и этого было достаточно. Симон собрал несколько человек, а сам схватил Карла за воротник, но в этот момент подоспел я и спросил, в чем дело. Я обмотал кулак шарфом и ударил Симона прямо в челюсть, когда тот собирался было ответить. Под моим кулаком плоть и зубы мягко подались, Симон пошатнулся, сплюнул кровь и уставился на меня, больше удивленный, чем напуганный. Эти ребята, которые занимаются боевыми искусствами, верят в правила, вот и проигрывают. Впрочем, Симон, надо отдать должное, так просто не сдался и принялся скакать, держа перед поредевшими зубами сжатые кулаки. Я пнул его в коленку, и скачки прекратились. Тогда я пнул его еще и в лодыжку, отчего глаза у него едва из орбит не вылезли – он-то, видать, не знал,

что такое подкожное мышечное кровотечение. Двигаться он больше не мог, поэтому стоял там и ждал, когда его прикончат, прямо как какой-нибудь придурочный полководец, решивший драться до последнего солдата. Но я даже не удостоил его чести быть избитым. Я развернулся и, посмотрев на часы – точно у меня была назначена встреча, но еще не скоро, – зашагал прочь. Остальные подначивали Симона и дальше драться, они же не знали того, что было известно мне: Симон не в состоянии и шага сделать. Поэтому они начали обзывать Симона – это и сохранил в памяти Симон Нергард, это, а не воспоминания о двух чересчур белых передних зубах, которые вставил ему стоматолог.

– То есть дядя твой видел чертежи?

– Нет, но у него в городе есть один знакомый – тот работает в банке и их видел. И он говорит, что отель похож на фабрику. По производству целлюлота.

– Целлюлозы, – поправил я ее, – он интересный и построен будет там, где деревья уже не растут.

– Чего-о?

Снаружи заревел двигатель, а следом – еще один.

– Тебя твои тестостероновые дружки зовут, – сказал я, – давай быстрее, в воздухе меньше выхлопов будет.

Юлия застонала:

– Рой, да они же совсем дети.

– Ну, тогда иди домой и послушай вот это. – Я протянул ей один из пяти экземпляров альбома Джей Джей Кейла

«Naturally».

В конце концов мне пришлось убрать его со стойки с компакт-дисками. Я заказал их специально, в уверенности, что деревенским придется по вкусу спокойный блюз Кейла и его скромные гитарные соло. Но Юлия была права – с людьми я не общаюсь и толком их не знаю. Она взяла диск, сползла со стойки и зашагала к двери, призывно виляя задницей, однако возле выхода показала мне средний палец – все это она проделала с холодной легковерностью, на которую способна лишь семнадцатилетняя девчонка. И в голову мне – даже не знаю почему – пришло вдруг, что теперь она чуть менее легковерна, чем была в шестнадцать лет, когда только начала у меня работать. Мать вашу, да что это со мной? Раньше я о Юлии так не думал, вообще не думал. Или все-таки думал? Нет. Это, должно быть, случилось, когда она уперлась ладонями в стойку, а куртка задралась, так что стало видно грудь и, несмотря на лифчик и футболку, соски. Да что за херня, у этой девчонки сиськи выросли лет в тринадцать, и раньше я плевать хотел, так в чем сейчас-то дело? Я вообще не в восторге ни от больших сисек, ни от малолеток, и запросов «девятнадцатилетние с большими сиськами» я в поисковике не задавал.

И это была не единственная загадка.

Еще это выражение лица – такое бывает, когда тебе стыдно. Нет, не тот стыд, который мелькнул в глазах Юлии, когда она прикинула, как выглядит, разъезжая в пятницу вечером

с придурками-лихачами. Жестянщику тоже отчего-то было стыдно. Взгляд у него плясал, словно ночной мотылек. И Му старался не смотреть на меня. Юлия сказала, он пялился на полки с таблетками у меня за спиной. Я повернулся и оглядел содержимое полок. И в душу мне закралось подозрение. Хотя я тут же его отверг. Однако оно вернулось, прямо как тот дурацкий белый кружок, изображавший теннисный мячик, в который мы с Карлом играли, когда в деревне появился первый и единственный игровой автомат. Он стоял в кофейне возле автомата по размену монеток, папа привозил нас туда, мы ждали в очереди, а потом папа выдавал нам монетки с таким видом, словно привез нас в Диснейленд.

Этот стыд я уже видел. Дома. В зеркале. И я его узнал. Сильнее просто не бывает. Не потому, что совершенное злодеяние такое отвратительное и нет ему прощения, а потому, что ему суждено повториться. Даже если отражение в зеркале обещает, что это в последний раз, ты знаешь – оно снова случится, а потом опять. Это стыд из-за проступка, но не только – это еще и стыд от собственной слабости, невозможности остановиться, необходимости делать то, чего не желаешь. Ведь если бы тебе хотя бы хотелось, то можно было бы свалить на врожденную порочность.

Субботнее утро. Маркус остался на заправке, а я на второй передаче доехал до дома. Остановившись во дворе, я не сразу заглушил двигатель – хотел, чтобы они услышали, что я вернулся.

Карл и Шеннон сидели на кухне, разглядывали чертежи отеля и обсуждали выступление.

– Симон Нергард говорит, что никто не вложится, – я привалился к косяку и зевнул, – ему это сказал кто-то из банка, кто видел чертежи.

– А среди моих знакомых их человек двенадцать видели – и все в восторге! – заявил Карл.

– Местные?

– Нет, в Торонто. И все они – люди знающие.

Я пожал печами:

– Твоя задача – убедить тех, кто, во-первых, живет не в Торонто, а во-вторых, кого знающими не назовешь. Удачи. Я пошел спать.

– Ю Ос согласился встретиться со мной завтра, – сказал Карл.

Я остановился:

– Вон оно чего.

– Да. Когда Мари была у нас в гостях, я попросил ее устроить нам встречу.

– Чудесно. Ты за этим ее пригласил?

– Отчасти. И еще мне хотелось ее с Шеннон познакомить.

Если уж мы сюда переехали, то нечего им ходить и тайком высматривать друг дружку. И знаешь что, – он приобнял Шеннон за плечи, – по-моему, девочка моя растопила сердце этой Снежной королевы.

– Растопила сердце? – Шеннон закатила глаза. – Любимый, эта женщина меня ненавидит. Верно, Рой?

– Хм, – откликнулся я.

Я посмотрел на Шеннон – впервые после того, как вернулся. На ней был просторный белый халат, а волосы еще не высохли – она, похоже, только недавно душ принимала, видно, после кувыркания в кровати сильно вспотела. Прежде она старалась тело не оголять – все носила черные свитеры и брюки, а сейчас я увидел ноги и кожу на груди – такую же белую, как и на лице. Влажные волосы казались темнее, почти темно-рыжими, и не блестели, и я заметил кое-что, чего прежде не видел, – несколько бледных веснушек на переносице. Шеннон улыбнулась, но в глазах ее была обида. Может, Карл сказал что-то не то? Или это я виноват? Может, я как-то намекнул, что с ее стороны цинично так умиляться фотографиям близнецов, но я чувствовал, что такой цинизм она признала бы без обид. Девушки вроде Шеннон поступают так, как считают нужным, и прощения просить не привыкли.

– Шеннон обещает сегодня на ужин приготовить нам нор-

вежскую еду, – сказал Карл, – я подумал...

– Я сегодня опять в ночную смену, – перебил его я, – сотрудник заболел.

– Да ладно? – Брови у Карла поползли вверх. – У тебя же еще пять человек работают, они что, заменить его не могут?

– Нет, никто больше не может, сейчас выходные, и я сам только недавно узнал, – ответил я и всплеснул руками – мол, такова уж участь начальников, вечно им приходится все на себе вытягивать. Судя по всему, Карл ни на секунду мне не поверил. В этом и проблема с братьями – они чуют все твое притворство. Но что мне еще оставалось сказать? Что я не могу уснуть, потому что они полночи трахаются? – Пойду посплю.

Меня разбудил какой-то звук. Не то чтобы громкий, но, во-первых, в горах вообще звуков мало, а во-вторых, звук этот был чужеродный, и поэтому мозг мой за него и зацепился.

Что-то вроде жужжания и поскрипывания, помесь пчелы с газонокосилкой.

Я посмотрел в окно. А потом поспешно оделся, сбежав вниз по лестнице, вышел на улицу и, не торопясь, зашагал к Козьему повороту.

Там стояли ленсман Курт Ольсен, Эрик Нерелл и еще какой-то мужик, у которого в руках был пульт управления с антеннами. Все они смотрели на разбудивший меня предмет

– белый дрон размером с тарелку, который летал где-то в метре у них над головами.

– Ну что, – заговорил я, и все они повернулись ко мне, – ищите плакаты с приглашением на собрание инвесторов? Это частная собственность, – я затянул ремень, про который впопыхах забыл, – значит тут-то можно плакаты вешать?

– Это как посмотреть.

– Да неужели? – Я почувствовал, что надо бы мне успокоиться, потому что очень скоро меня накроет злость. – Будь это собственность муниципалитета, власти разорились бы на ограждения, разве нет?

– Верно, Рой, но эта территория – пастбище, а значит, тут действует право всеобщего доступа.

– Я же сейчас про плакат, а не про то, можно ли тебе, ленсман, стоять там, где ты сейчас стоишь. И я сегодня в ночную смену работал, а вы меня своим дроном разбудили – вы что, предупредить не могли?

– Могли, – ответил ленсман Ольсен, – но не хотели вас тревожить, Рой. Мы быстро управимся, только несколько снимков сделаем – и все. Если там безопасно и мы решим спустить туда людей, мы обязательно тебя заранее предупредим. – Он посмотрел на меня. Бесстрастно, будто фотографируя, прямо как дрон, который исчез за обрывом и наверняка сейчас делал снимки ужасной катастрофы внизу, в Хукене.

Я кивнул, притворяясь, что смирился.

– Я прошу прощения, – продолжал Ольсен, – это неприятно, я понимаю, – говорил он прямо как священник, – мне следовало предупредить, я и забыл, что от дома до обрыва так близко. Что тут скажешь? Радуйся, что твои налоги тратятся на то, чтобы выяснить, как на самом деле произошло то несчастье. Мы все хотим это выяснить.

Все? – чуть было не выпалил я. Это ты, что ли, все? Нет, Курт Ольсен, ты хочешь доделать то, что твой отец не доделал.

– Ладно, – сказал я вместо этого, – и ты прав, это неприятно. Мы с Карлом помним, что произошло, и больше стараемся забыть, а не копаться в мельчайших подробностях. – Надо успокоиться. Да, вот так уже лучше.

– Разумеется, – поддакнул Ольсен.

Над обрывом снова показался дрон. Он взлетел вверх и неподвижно завис, а его жужжание неприятно отдавалось в ушах. Затем он взял курс на нас и приземлился в руки мужика с пультом – я видел в «Ютубе» ролик, где охотничий сокол совершенно так же опускался хозяину на руку. Зрелище это было неприятное, как из фантастического фильма про какое-нибудь тоталитарное государство, где Большой-брат-тебя-видит, а мужик с дроном – на самом деле робот, и под кожей у него провода.

– Быстро он, – сказал ленсман.

– Когда воздух разреженный, батарейка садится быстрее, – объяснил хозяин дрона.

– Но он хоть что-то снять успел?

Хозяин дрона провел пальцем по экрану смартфона, и мы подошли ближе. Из-за нехватки внизу света беззвучные кадры были зернистыми. А может, там просто было тихо, поэтому и звуков никаких мы не слышали. Остов папиного «кадиллака-девиль» походил на жука, упавшего на спину и умершего, – он будто бы лежал, размахивая лапками, пока какой-нибудь прохожий, сам того не зная, не наступил на него. Заржавевшая и местами поросшая мхом ходовая часть и торчащие колеса уцелели, зато задняя и передняя части салона были смяты, точно побывали у Виллумсена в автомобильном прессе. Возможно, виной всему тишина и темнота, но снимки напомнили мне о документальном фильме про исследование затонувшего «Титаника». Может, на эти мысли навел меня «кадиллак» – тоже красивый остов из давно ушедшего времени, тоже рассказывающий о внезапной гибели, о трагедии, которая столько раз повторялась в моем, и не только моем, воображении, что с годами мне начало казаться, будто ей суждено было случиться, будто так было написано на небесах. Внешне и образно прекрасное, притягивающее падение механизма в бездну. Представление о том, как оно было, страх, охвативший пассажиров, когда те поняли, что она, смерть, рядом. И не обычная смерть, не та, что медленно тебя разрушает, когда ты прожил жизнь, а неожиданная, внезапная, навалившаяся на тебя по вине предательских случайностей. Я вздрогнул.

– Там на земле камни валяются, – прокомментировал Эрик Нерелл.

– Они могли туда нападать тысячу лет назад. Или сотню. На машине камней нет, – сказал Курт Ольсен, – и никаких отметин или вмятин на ходовой части я тоже не вижу. Поэтому можно сказать, что тот камень, что свалился на альпиниста, был последним.

– Он больше не альпинист, – тихо проговорил Нерелл, глядя на экран, – рука у него наполовину усохла, и он уже много лет на обезболивающих сидит, причем на таких дозах, что лошадь бы...

– Зато жив, – перебил его Ольсен, не дожидаясь, пока Нерелл придумает, что там произошло бы с лошастью.

Мы посмотрели на ленсмана, и тот покраснел. «Зато» – это в отличие от тех, кто сидел в «кадиллаке»? Нет, он на что-то еще намекал. Может, на собственного отца, старого ленсмана Сигмунда Ольсена?

– Если тут что-то упадет, то упадет оно на машину, верно? – Ольсен показал на экран. – Но машина вся мхом заросла, ни единой отметины нет. Это позволяет нам воссоздать ход событий и историю. А ход событий, которые уже случились, помогает нам прогнозировать те события, которые произойдут в будущем.

– Это пока тебе камнем плечо не раздробит, – сказал я, – или голову.

Эрик Нерелл медленно кивнул и потер шею, а Ольсен по-

краснел еще сильнее.

– И как я уже говорил, мы постоянно слышим, как тут, в Хукене, камни падают, – смотрел я на Ольсена, но метил, разумеется, в Эрика Нерелла. Это ему предстоит вскоре стать отцом. Он должен будет как профессионал оценить, насколько безопасно отправить вниз, к машине, альпинистов. А Ольсен против его решения не пойдет, ведь потом случись что – и он вылетит с работы. – Может, на машину камни и не падают, – продолжал я, – а вот рядом – запросто. Как раз туда, куда вы собираетесь альпинистов спустить, верно?

Дождаться от Ольсена ответа мне не требовалось – взглянув лишь краем глаза, я понял, что эту битву я выиграл.

Стоя возле Козьего поворота, я вслушивался в затихающий гул двигателей, смотрел на пролетающего мимо ворона и ждал, когда все стихнет.

Когда я вошел на кухню, Шеннон, одетая, по обыкновению, в черное, стояла, облокотившись о стойку. И я вновь подумал вдруг, что, несмотря на одежду, в которой она выглядела тощим мальчишкой, было в ней нечто удивительно женственное. Маленькими руками она сжимала дымящуюся чашку, откуда свисала нитка от чайного пакетика.

– Это кто был? – спросила она.

– Ленсман. Хочет остов осмотреть. Ему во что бы то ни стало надо докопаться, почему папа свалился с обрыва.

– А что, это не понятно?

Я пожал плечами:

– Я же все видел. Он просто затормозить вовремя не успел. А тормозить – это главное.

– Тормозить – это главное, – повторила Шеннон и по-деревенски медленно закивала.

Похоже, она и жесты наши скоро освоит. Это вновь навело меня на мысль о научно-фантастических фильмах.

– Карл говорил, что вытащить оттуда машину невозможно. Тебе неприятно, что она там лежит?

– Нет – разве что лишний мусор.

– Нет? – Держа чашку в обеих руках, она поднесла ее ко рту и сделала маленький глоток. – Почему?

– Если бы они умерли в собственной двуспальной кровати, мы ее тоже не стали бы выбрасывать.

Она улыбнулась:

– Это сентиментальность или наоборот?

Я и сам улыбнулся. Теперь я почти не замечал ее опущенного века. А может, когда я впервые увидел ее, она устала после поездки и веко совсем ослабло.

– По-моему, обстановка намного сильнее влияет на наши чувства, чем нам кажется, – сказал я. – Хотя в романах и рассказывается о неразделенной любви, девять из десяти влюбляются в того, кто вполне может ответить им взаимностью.

– Разве?

– Восемь из десяти, – пошел я на попятную.

Подойдя к стойке, я принялся желтой мерной ложкой насыпать в кофейник кофе и перехватил взгляд Шеннон.

– Практичность в болезни и здравии, – сказал я. – Когда того и гляди скатишься в бедность, привыкаешь, а в этих местах долго так жили. Но тебе это, наверное, в диковинку.

– Почему в диковинку?

– Ты говорила, на Барбадосе живут богато. Ты ездила на «бьюике», в университете училась. И в Торонто переехала.

Она немного помолчала, а потом сказала:

– Это называется «продвижение по социальной лестнице».

– Да ладно? То есть ты выросла в бедности?

– Как посмотреть, – она вздохнула, – я из красноногих.

– Красноногих?

– Ты ведь слышал о белых бедняках из нищих горных районов в Американских Аппалачах?

– Освободительное движение. Банджо и кровосмешение.

– Это стереотипы, да. К сожалению, они недалеки от действительности – то же самое и с красноногими на Барбадосе. Красноногие – представители низшего класса, потомки ирландцев и шотландцев, которые прибыли на остров в семнадцатом веке. Многие из них были сосланными каторжниками, как в Австралии. Строго говоря, они выполняли функции рабов, пока Барбадос не начал привозить рабов из Африки. Однако, когда рабству положили конец, потомки африканцев начали подниматься все выше по социальной лестнице, а вот большинство красноногих остались на дне. Большинство из нас живут в бедных кварталах. Трущобы, да? Так

это называется? Мы – общество за пределами общества, мы пойманы в ловушку нищеты. Никакого образования, алкоголизм, кровосмешение, болезни. У красноногих в Сент-Джоне на Барбадосе вообще ничего нет, лишь немногие владеют фермами и крошечными магазинчиками, и существуют они за счет более состоятельных чернокожих. Остальные красноногие живут на пособие, а налоги, из которых выплачивается пособие, платят чернокожие и афро-бэйджанс. А знаешь, как нас можно узнать со стороны? По зубам. Если у нас вообще остаются хоть какие-то зубы, то обычно они темные от... *decay*?

– Гнили. Но твои-то зубы...

– Моя мать заботилась о том, чтобы я правильно питалась и каждый день чистила зубы. Она во что бы то ни стало хотела, чтобы мне жилось лучше. А когда мама умерла, мной занималась бабушка.

– Надо же. – Ничего лучше я не придумал.

Шеннон подула на чай.

– Ко всему прочему мы, красноногие, – живой аргумент против тех, кто полагает, что в нищете живут только черные и латиносы.

– Но ты-то выбралась.

– Да. Может, я и расистка, но скажу, что это мои африканские гены меня вытянули.

– Африканские? У тебя?

– Мои мама и бабушка – афро-бэйджанс. – Посмотрев на

мою озадаченную физиономию, она рассмеялась. – Цвет кожи и волос мне достался от ирландского красноногого, который допился до смерти, когда мне еще и трех лет не исполнилось.

– А потом что?

Она пожала узенькими плечами:

– Хотя мама с бабушкой жили в Сент-Джоне и были замужем, одна за ирландцем, другая за шотландцем, меня никогда не считали красноногой. Отчасти потому, что у нас во владении был клочок земли, но особенно потому, что я поступила в Университет Вест-Индии в Бриджтауне. До меня девушек, учившихся в университете, не было не то что в нашей семье – я на весь район первая такая.

Я посмотрел на Шеннон. До сих пор она ни разу столько о себе не рассказывала. Причина, видать, простая – я и не спрашивал. И в тот раз, когда они с Карлом завалились на нижнюю койку, Шеннон хотела, чтобы я сам сперва рассказал. Может, ей надо было сначала меня как следует разглядеть. И вот теперь она разглядела.

Я кашлянул.

– Решиться на такое, наверное, непросто.

Шеннон покачала головой:

– Это бабушка решила. Она упросила всю семью, и дядей и теток, сброситься мне на учебу.

– Скинуться на учебу.

– Скинуться. И на то, чтобы отправить меня потом в То-

ронто. Бабушка каждый день возила меня в университет и обратно, потому что денег на то, чтобы снимать мне жилье в городе, у нас не было. Один из преподавателей сказал, что я пример того, что на Барбадосе тоже стало возможно движение по социальной лестнице. А я ответила, что красноногие уже четыреста лет обретаются на дне общества и что благодарить мне следует семью, а не социальные реформы. А я из красноногих – была и останусь такой, – и моей семье я обязана всем на свете. В Торонто я жила богаче, но Опгард для меня все равно роскошь. Понимаешь?

Я кивнул:

– А что случилось с «бьюиком»?

Она взглянула на меня так, словно хотела убедиться, что я не шучу:

– То есть что случилось с бабушкой, ты не спрашиваешь?

– Она в добром здравии, – сказал я.

– Правда? И откуда ты знаешь?

– По голосу понял – когда ты говоришь о ней, голос у тебя спокойный.

– Механик еще и психолог?

– Нет, просто механик. А «бьюика» больше нет, верно?

– Однажды бабушка забыла поставить его на тормоз, машина съехала к обрыву и свалилась вниз, в мусорную кучу. И разбилась вдребезги. Я потом несколько дней подряд плакала. И ты это по голосу понял?

– Ага. «Бьюик-роудмастер», пятьдесят четвертого. Я тебя

понимаю.

Она склонила голову набок, потом к другому плечу, словно рассматривая меня с разных сторон, как будто я – какой-то дурацкий кубик Рубика.

– Машины и красота, – проговорила она вроде как про себя. – Знаешь, мне сегодня ночью приснилась книжка, которую я читала давным-давно. Наверное, я ее вспомнила из-за этих обломков в Хукене. Она называется «Автокатастрофа», а написал ее Джеймс Грэм Баллард. В ней рассказывается о людях, у которых автокатастрофы возбуждают сексуальное желание. Обломки, травмы. Чужие травмы и собственные. По ней кино сняли – ты, наверное, его видел?

Я задумался.

– Дэвид Кроненберг, – подсказала она.

Я покачал головой.

Она помолчала. Точно уже пожалела – ну да, заговорила о чем-то таком, что вряд ли заинтересует мужика с заправки.

– Я много книг прочел, – сказал я, чтобы ее выручить, – но эту не читал.

– Ясно, – откликнулась она. – В книге рассказывается про опасный поворот на улице Малхолланд-драйв – ночью машины на нем падают с обрыва. Вытаскивать обломки из пропасти дорого, поэтому внизу со временем появляется настоящее кладбище автомобилей, и с каждым годом их гора растет. Настанет время – и пропасть будет заполнена машинами, а значит, новым падать будет некуда и они спасутся.

Я медленно кивнул.

– Их спасут обломки, – сказал я, – наверное, надо мне ее тоже прочитать. Или кино посмотреть.

– Мне кино больше нравится, – сказала она, – книга написана от первого лица, и поэтому она немного односторонняя – субъективная и... – она умолкла, – как по-норвежски будет intrusive?⁴

– Прости, это надо Карла спросить.

– Он уехал на встречу с Ю Осом.

Я посмотрел на стол. Чертежи все еще лежали на нем, и лэптоп Карл тоже не забрал. Возможно, считал, что у него больше шансов убедить Оса в том, что деревне во что бы то ни стало нужен спа-отель, если не станет сразу показывать целую кучу материалов.

– Назойливый? – предположил я.

– Спасибо, – поблагодарила она, – кино не такое назойливое. Обычно камера объективнее написанных слов. А Кроненбергу удалось схватить суть.

– И в чем же она?

В живом глазу загорелась искра, и теперь, когда она поняла, что мне по-настоящему интересно, голос ее оживился.

– В уродстве прячется красота, – ответила она. – Частично разрушенная греческая скульптура особенно красива, потому что по оставшимся неиспорченным фрагментам мы видим, насколько красивой она могла быть, должна была

---

⁴ Назойливый (англ.).

быть, была когда-то. И мы додумываем красоту, с которой действительность никогда не смогла бы соперничать. – Она уперлась ладонями в стойку, словно собираясь запрыгнуть на нее и усестся, как тогда, на вечеринке. Маленькая танцовщица. Тьфу, вашу ж мать.

– Интересно, – сказал я, – но надо бы мне еще поспать.

Огонек у нее в глазу потух, словно лампочка индикатора.

– А кофе твой как же?

В ее голосе я явно услышал разочарование. Ведь она вроде как нашла с кем поболтать. На Барбадосе-то они небось постоянно друг с дружкой треплются.

– Чувствую, мне бы надо еще пару часов отоспаться. – Я выключил кофеварку и убрал оттуда кофейник.

– Разумеется, – согласилась она и сняла руки со стойки.

Я пролежал в кровати с полчаса. Пытался уснуть, пытался ни о чем не думать. Слышал, как внизу стучат по клавиатуре и шуршат бумагой. Нет, ничего не выйдет.

И я повторил все, что уже делал. Встал, оделся и сбежал по лестнице. Пока дверь еще не успела захлопнуться, крикнул: «Пока!» Думаю, со стороны казалось, будто я от чего-то сбегаю.

– Ой, привет, – пробормотал Эгиль, открыв дверь и пристыженно глядя на меня.

И этому тоже стыдно. Он наверняка понимал, что я тоже слышу, как в гостиной его дружки играют в какую-то стрелялку и громко орут.

– Мне уже лучше, – быстро проговорил он, – я сегодня могу выйти.

– Лучше не спеши и как следует полечись, – сказал я, – я не за этим пришел.

– Не за этим? – Он явно перебирал в уме, чего еще мог натворить. Похоже, выбрать было из чего.

– Что у тебя покупает Му? – спросил я.

– Му? – Эгиль притворился, будто впервые слышит это имя.

– Жестянщик, – подсказал я, – он тут заходил и тебя спрашивал.

– А, этот. – Эгиль улыбнулся, но глаза были полны страха. Я попал в точку.

– Что он покупает? – Я словно думал, что Эгиль забыл вопрос.

– Да ничего особенного, – выдавил из себя Эгиль.

– И тем не менее хотелось бы знать.

– Сейчас и не вспомню.

– Но платит он наличкой?

– Да.

– Если ты это помнишь, значит помнишь и что он покупает. Давай колись.

Эгиль смотрел на меня, и во взгляде его я увидел мольбу о прощении.

Я вздохнул:

– Тебя ведь и самого это гложет, Эгиль.

– Чего?

– Он что, тебя чем-то держит? Угрожает тебе?

– Ну? Нет.

– Тогда чего ты его прикрываешь?

Эгиль непрерывно моргал. В гостиной у него за спиной бушевала война. Глаза у Эгиля были полны отчаяния.

– Он... он...

Терпение у меня заканчивалось, но для внушительности я заговорил чуть тише:

– Не ври, Эгиль.

Адамово яблоко у него подпрыгивало как бешеное, и он отступил назад, в коридор, как будто хотел захлопнуть дверь и сбежать. Но никуда не сбежал. Возможно, он заметил что-то у меня в глазах и вспомнил рассказы о том, как кого-то в свое время поколотили до полусмерти в Ортуне. И Эгиль уступил:

– Он оставлял мне на выпивку.

Я кивнул. Естественно, нанимая Эгиля на работу, я пре-

дупредил его, что чаевые мы не берем, что, если покупатель все-таки оставляет сдачу, мы храним эти деньги в кассе на тот случай, если кто-то из нас облажается и у нас будет недостача. Лагается у нас обычно Эгиль. Но он, возможно, об этом забыл, а сейчас я не собирался напоминать ему об этом, как и о том, что называется это не «на выпивку», а «на чай», – мне хотелось лишь убедиться, что я догадался правильно.

– А что покупал?

– Мы ничего плохого не делали! – выпалил Эгиль.

Не стал я ему говорить и о том, что говорит он это в прошедшем времени, а значит, понимает – его делишкам с Му пришел конец. Я ждал.

– «Элла-один», – раскололся Эгиль.

Именно. Противозачаточные. Абортивные.

– Часто? – спросил я.

– Раз в неделю.

– И он просил тебя никому об этом не говорить?

Эгиль кивнул. Он побледнел. Да, бледный ты Эгиль и тупенький, но не отсталый, как многие говорят. Точнее, они подменяют это слово каким-то другим, будто грязное белье меняют. Но как бы то ни было, Эгилю хватило мозгов сложить два и два, хотя Му и надеялся, что Эгиль не догонит. Сейчас я видел, что ему не просто стыдно – ему жутко стыдно. А хуже наказания не придумаешь. Вы уж мне поверьте, я на своей шкуре испытал, каково это. И знаю, что стыд ничем

не заглушить.

— Давай так: сегодня ты еще болеешь, но завтра выздоравливаешь, — предложил я, — идет?

— Да. — Сказать это у него получилось лишь со второго раза.

Я развернулся и двинулся прочь, но дверь за моей спиной не стукнула, — похоже, Эгиль стоял и смотрел мне вслед. Видать, думал, что теперь будет.

Я вошел в парикмахерскую Греты Смитт и будто перенесся на машине времени в Штаты времен после Второй мировой. В одном углу стояло здоровенное кресло для бритья, красное, кожаное и с заплатками. По словам Греты, в нем сживал Луи Армстронг. В другом углу располагался салонный фен в стиле пятидесятых — эдакий шлем на подставке. В старых американских фильмах тетки сушатся под такими фенами, читают дамские журналы и перемывают кости знакомым. Хотя я сразу же вспоминаю актера Джонатана Прайса и сцену из фильма «Бразилия», ту, с лоботомией. Шлем Грета использует для услуги под названием «помыть и накрутить»: сначала голову тебе моют шампунем и накручивают волосы на бигуди, а потом ты засовываешь голову в шлем, причем желательно обмотать ее полотенцем, чтобы волосы не попали в такие штуки, которые очень напоминают внутренности раскаленного тостера. Если верить Грете, «помыть и накрутить» снова стало супермодным. Вот только тут у нас,

в Усе, оно, похоже, никогда из моды и не выходило. К тому же лично мне кажется, что чаще всего в этот фен сама Грета и совала голову, подкручивая свои перманентные кудри, похожие на подгнившие гирлянды.

На стенах висели фотографии старых американских кинозвезд. Единственным неамериканским предметом тут были знаменитые ножницы Греты, блестящая штукавина, о которой Грета всем желающим послушать рассказывала, что это японская модель «Ниигата-1000», стоит пятнадцать тысяч и продается с гарантией на весь срок использования.

Не прекращая размахивать ножницами, Грета подняла глаза.

– Ольсен? – спросил я.

– Привет, Рой. Он загорает.

– Знаю, я машину его видел. И где же его солнечный пляж?

Японские суперножницы клацнули в опасной близости от уха клиентки.

– Наверное, лучше его не беспокоить.

– Там? – Я показал на вторую дверь, где висел плакат с расплывшейся в улыбке девушкой в бикини.

– Он освободится через... – Она посмотрела на лежавший на столе возле двери пульт, – четырнадцать минут. Может, подождешь тут, а?

– Хм. Даже мужчины способны одновременно делать два дела, если одно из них – это загорать, а другое – разговари-

вать, согласна?

Кивнув женщине, которая сидела в кресле и смотрела на меня в зеркало, я открыл дверь.

И будто очутился в скверно снятом фильме ужасов. Единственным источником света в темном помещении был продолговатый ящик, наподобие гроба Дракулы, – сбоку у него была щель, откуда сочился синеватый свет. Таких капсул тут стояло две, а кроме них и стула, на спинке которого висели джинсы и светлая кожаная куртка Курта Ольсена, ничего не было. Лампы внутри капсулы угрожающе жужжали, отчего казалось, что вот-вот произойдет нечто жуткое.

Я пододвинул стул к капсуле.

До меня доносилась музыка из наушников. На секунду мне почудилось, что это Роджер Уиттакер и что я и впрямь попал в фильм ужасов, но потом я узнал «Take Me Home, Country Roads» Джона Денвера.

– Я пришел предупредить, – сказал я.

Человек внутри зашевелился, потом раздался глухой удар о дверцы ящика, и тот, кто был внутри, тихо чертыхнулся. Музыка стихла.

– Возможно, речь идет о насилии, – продолжал я.

– Вон оно что. – Голос Ольсена звучал будто из железной банки. Если он и узнал меня, то виду не подал.

– Один наш знакомый вступил в сексуальную связь с близкой родственницей, – сказал я.

– Продолжай.

Я помолчал. Может, оттого, что меня вдруг поразило, насколько эта сцена смахивает на католическую исповедь. Разве что нагрешил сейчас не я. Не в этот раз.

– Му, жестянщик, раз в неделю покупает посткоитальный контрацептив. Как тебе известно, у него есть дочка-подросток. На днях она купила такую же таблетку.

Я ждал, что ленсман Ольсен мне на это скажет.

– Почему раз в неделю и почему прямо здесь? – спросил он. – Почему бы не купить в городе сразу целую упаковку. Или не заставить ее принимать их курсом?

– Потому что каждый раз он думает, что это последний, – ответил я, – он надеется, что больше это не повторится.

В капсуле щелкнула зажигалка.

– Откуда ты это знаешь?

Из гроба Дракулы пополз сигаретный дымок. В синеватом свете он закручивался колечками и растворялся в темноте. Я старался подобрать слова. Меня мучило то же желание, что и Эгиля, – жажда признаться. Доехать до обрыва. И полететь вниз.

– Все мы думаем, что завтра станем лучше, – проговорил я.

– Скрывать такое у нас в деревне долго не получится, – сказал Ольсен, – и я не слыхал, чтобы Му в чем-то подозревали.

– Он разорился, – объяснил я, – сидит дома и мается без дела.

– Но он все еще не пьет, – похоже, Ольсен все-таки следил за ходом моих мыслей, – и даже если дела у тебя не очень, это еще не означает, что ты бросишься трахать собственную дочку.

– Или покупаешь раз в неделю посткоитальный контрацептив, – сказал я.

– Может, это для жены, чтобы та опять не забеременела. Или у дочки есть парень, и Му переживает за нее, – я слышал, как Ольсен затянулся сигаретой, – а упаковку он покупать не хочет, потому что боится, что тогда она будет трахаться направо и налево. Кстати, Му – пятидесятник.

– Этого я не знал, но вероятность инцеста от этого не исчезает.

Когда я произнес слово на «и», Ольсен зашевелился.

– Нельзя строить такие серьезные обвинения лишь на том факте, что человек покупает противозачаточные, – сказал он, – или у тебя еще что-то есть?

Что мне было сказать? Что в глазах у него я заметил стыд? Стыд, который я так хорошо знал, что других доказательств мне не требовалось?

– Я тебя предупредил, – сказал я, – и советую поговорить с его дочкой.

Может, про «советую» – это я зря сказал. Возможно, мне следовало догадаться, что Ольсен решит, будто я объясняю, как ему нужно работать. С другой стороны, может, я это и знал, но все равно сказал. Но во всяком случае тон у Ольсена

изменился, а заговорил он на децибел громче:

– А я тебе советую в это не лезть. Но, говоря начистоту, у нас есть и более важные дела.

Судя по тону, ему хотелось добавить в конце фразы мое имя, но он сдержался. У него наверняка мелькнула мысль, что если впоследствии я окажусь прав, а ленсман при этом бездействовал, то отмазаться будет проще, если сказать, что информатор остался анонимным. Но на удочку я попался.

– И что это за важные дела? – спросил я и едва язык не прикусил.

– Тебя не касается. И предлагаю эти деревенские домыслы держать при себе. Нам тут лишние истерики не нужны. Идет?

Я сглотнул и поэтому ответить не успел, а когда собрался, в капсуле уже вновь пел Джон Денвер.

Я встал и вышел обратно в парикмахерскую. Грета с клиенткой переместились к раковине – болтали, пока Грета мыла ей голову. Я думал, голову моют перед стрижкой, но сейчас Грета, похоже, не стригла, а вела какую-то химическую войну против волос. По крайней мере, на раковине выстроились многочисленные тюбики и баночки. Меня никто не заметил. Я взял лежавший на столике возле двери пульт. Похоже, Ольсену оставалось десять минут. Я нажал кнопку над надписью: АВТОЗАГАР ДЛЯ ЛИЦА. На экране появилась шкала, где горело лишь одно деление. Я трижды нажал стрелку вверх, и шкала загорелась целиком. У нас в сфере

услуг так принято: если уж клиент заплатил, то и обслужить его надо по высшему разряду.

Проходя мимо Греты, я услышал, как она говорит:

— ...сейчас наверняка ревнует, потому что он был влюблен в собственного младшего брата.

Когда Грета заметила меня, лицо у нее перекосилось, но я лишь кивнул и сделал вид, будто ничего не слышал.

На улице, вдыхая свежий воздух, я думал, что все это похоже на повтор. Все уже случалось прежде. Все это произойдет заново. И закончится так же.

Столько народа не собиралось даже на ежегодный сельский концерт. В большом зале в доме культуры мы расставили шестьсот стульев, но всем места не хватило, и многим пришлось стоять. Я обернулся и оглядел зал, словно выискивая кого-то глазами. Здесь были все. Мари и ее муж Дан Кране – он тоже осматривал зал. Типичный газетчик. Торговец поддержанными автомобилями Виллум Виллумсен со своей элегантной женой Ритой, на голову выше его самого. Мэр Восс Гилберт, занимающий в придачу должность председателя нашего деревенского футбольного клуба «Ус ФК», впрочем от этого в футбол никто лучше играть не стал. Эрик Нерелл со своей беременной женой Гру. Ленсман Курт Ольсен – его обожженное лицо светилось в толпе, словно красная лампа. Он с ненавистью посмотрел на меня. Грета Смитт притащила с собой мать с отцом. Я представил, как они стремительно шаркают по парковке к дверям. Наталия Му разместилась между родителями. Я попытался перехватить взгляд ее отца, но тот опустил глаза. Возможно, понял, что я обо всем догадался. Или, возможно, знал, что все в курсе его банкротства, и если он теперь надумает вложиться в отель, то его кредиторы в деревне воспримут это как издевку. Впрочем, он, скорее всего, просто посмотреть пришел, большинство присутствующих забрели сюда из любопытства, а не из

желания стать инвесторами.

– Да, – сказал старый мэр Ос. – Столько народа в этом доме культуры я в последний раз видел в семидесятых, когда сюда приезжал проповедник Арманд. – Ю Ос оглядел с кафедры собравшихся. Высокий, худой и белый, как флажок. Белоснежные кустистые брови с каждым годом становились все гуще. – Но это было в те времена, когда кинотеатр тут у нас соперничал с такими развлечениями, как целительство наложением рук и религиозные песнопения, к тому же это было бесплатно.

А вот и заслуженная награда – смешки в зале.

– Но сегодня вы пришли сюда послушать не меня, а одного из уроженцев нашей деревни – вернувшегося домой Карла Абея Опгарда. Уж не знаю, спасет ли его проповедь наши души и подарит ли она нам вечную жизнь, – с этим разберайтесь сами. Я согласился представить этого юношу и его проект, потому что сейчас, в сложившейся ситуации, любые свежие начинания жизненно важны для нас. Нам нужны новые идеи, нужен любой вклад. Однако и о традициях забывать не стоит – тех, что прошли проверку временем и по-прежнему живут на этой скудной, но прекрасной земле. Поэтому я прошу вас с открытым сердцем и здоровым скептицизмом выслушать молодого человека, доказавшего, что здешний сельский паренек тоже может немалого добиться в большом мире. Прошу, Карл!

Зал взорвался аплодисментами, но, когда на кафедру под-

нялся Карл, они почти стихли – хлопали Осу, но не ему. Карл был при костюме и галстуке, но пиджак снял, а рукава закатал. Дома он покрутился перед нами и спросил, как нам. Шеннон поинтересовалась, почему он снял пиджак, и я объяснил, что Карл насмотрелся выступлений американских президентов – те, выступая на фабриках, стремятся таким образом сблизиться с народом.

– Нет, они надевают ветровки и бейсболки, – возразила Шеннон.

– Важно разработать подход, – сказал Карл, – мы не хотим показаться самодовольными зазнайками. Ведь как ни крути, а мы тоже родом из этой деревни, где многие ездят на тракторах и носят резиновые сапоги. В то же время нам надо произвести впечатление серьезных профессионалов. На первое причастие тут без галстука не ходят – иначе тебя неправильно поймут. Пиджак у меня есть – это все увидят, но я его снял, и это означает, что я понимаю всю серьезность своей миссии, но также свидетельствует о том, что я деятельный и горю идеей.

– И не боишься запачкать руки, – добавил я.

– Именно, – согласился Карл.

По пути к машине Шеннон с улыбкой прошептала мне:

– А знаешь, я думала, это называется «не боишься, что под ногти грязь набьется». Неправильно, да?

– Смотря что хочешь сказать, – ответил я.

– Совсем скоро, – начал Карл, упершись обеими руками о

кафедру, – я расскажу вам о сказке, в которую я вас приглашаю, но сперва скажу, что стоять на этой сцене перед односельчанами – это для меня немало, и я по-настоящему тронут.

Я чувствовал, что они выжидают. Раньше Карла здесь любили. По крайней мере те, чьи девушки не западали на него. По крайней мере того Карла, который уехал из деревни, здесь любили. Вот только прежний ли перед ними Карл? Живчик, рубаха-парень с белоснежной улыбкой и душа компании, заботливый паренек, у которого для каждого, будь ты мужчина или женщина, взрослый или ребенок, найдется доброе слово. Или же он стал таким, каким отрекомендовал сам себя в приглашении, – Master of Business? Горная птаха, летающая на таких высотах, где простые смертные дышать не могут. Канада. Империя недвижимости. Экзотическая, образованная жена с Карибских островов, тоже сидящая в зале и чересчур нарядная. Что же, обычная девушка из деревни ему уже не по вкусу?

– Я тронут, – серьезно повторил Карл, – потому что лишь сейчас я понимаю, каково это – стоять тут прямо как... – он театрально умолк и поправил галстук, – Род Стюарт.

Секунда – и публика захохотала.

Карл ослепительно улыбнулся. Теперь он чувствовал себя уверенным, уверенным в том, что они у него на крючке. Он положил обнаженные до локтей руки на кафедру, точно она принадлежала ему.

– Обычно сказка начинается со слов «жили-были». Но эта сказка еще не написана. А когда ее напишут, то начинаться она будет так: «Жили-были в одной деревне люди, которые однажды собрались в доме культуры, чтобы обсудить, какой отель они хотят построить». И говорим мы вот об этом отеле... – Карл нажал кнопку на пульте, и на экране у него за спиной появился рисунок.

В зале ахнули. Но я смотрел на Карла, смотрел на своего брата, и видел, что он ожидал аханья более громкого. Или, точнее говоря, более восхищенного. Потому что, как я уже сказал, нам больше по душе камин и уют, а не вигвамы на луне. С другой стороны, в определенном изяществе этому отелю не откажешь. Что-то было особенное в пропорциях и линиях, некая универсальная красота, какую видишь, когда смотришь на кусок льда, белые барашки на море или отвесные скалы. Или на автозаправку. Но Карл понял, что убеждать собравшихся придется дольше. И я заметил, как он, что называется, перегруппировался. Собрался с силами. Приготовился к следующей атаке. Он принялся комментировать рисунок, рассказывать о зоне спа, спортивном зале, бассейнах, игровой комнате для детей, о разных категориях номеров, стойке администратора и лобби, ресторане. Подчеркивал, что здесь все будет высшего качества, что отель ориентирован в первую очередь на гостей с высокими требованиями. Иначе говоря, на толстосумов. И название у отеля будет такое же, как у деревни: «Высокогорный спа-отель „Ус“».

Это название появится на всех новостных ресурсах. Название деревни станет равнозначно качеству, говорил он. Да, возможно, даже роскоши. Впрочем, роскошь эта будет доступна не только отдельным счастливицам – семья с обычным доходом тоже сможет позволить себе провести там выходные, но для этого им придется скопить немного денег, и выходных этих они будут ждать, как праздника. Название нашей деревни будет вызывать у людей радость. Карл улыбнулся, вроде как продемонстрировав эту самую радость. И мне показалось, что у него мало-помалу получается убедить их. Да, скажу больше – я даже воодушевление заметил среди собравшихся, а воодушевление среди местных – гость редкий. Но ахнули они во второй раз, лишь когда он назвал стоимость.

400 миллионов.

Ах! И температура в зале упала на сто градусов.

Что все ахнут, Карл ожидал. Не ожидал только, что так громко.

Боясь потерять их, он заговорил быстрее. Сказал, что для тех, кто владеет неплодородными пастбищами и возделываемой землей, это выгодно уже потому, что благодаря отелю и строительству дач, которое последует позже, стоимость их недвижимости вырастет. То же касается тех, кто кормится за счет торговли и сферы услуг: отель и дачи приманят сюда покупателей. Причем покупатели эти будут при деньгах. И это даст деревне более существенную прибыль, чем сам отель.

Карл на секунду умолк. Публика притихла и замерла. Все точно забуксовали. А потом я со своего пятого ряда заметил какое-то движение. Будто флаг на флагштоке. Это был Ос – он сидел на переднем ряду, а его седая голова возвышалась над всеми остальными. Он кивал. Медленно кивал. И все это видели.

И тогда Карл решил разыграть козырь:

– Но все это возможно лишь в том случае, если построить отель и если отель этот будет работать. Кто-то должен вложиться. Согласиться рискнуть и вложить в этот проект деньги. На благо окружающих, на благо всех нас, кто живет в деревне.

Народ у нас в большинстве своем менее образованный, чем горожане. В интеллектуальных фильмах они, возможно, не все фишки просекают. Но подтекст они понимают. В Усе принято говорить не больше того, что нужно, и поэтому местные научились додумывать то, что не высказано. А сейчас невысказанное звучало бы так: если ты не примкнешь к совладельцам, значит ты среди оставшихся, тех, кто пожирает плоды, сам при этом ничего не посеяв.

Другие тоже закивали. Вроде как заразились киванием.

А потом один из них заговорил. Это был Виллумсен – тот, кто продал папе «кадиллак».

– Если это такое хорошее вложение, то почему тебе, Карл, непременно понадобилось, чтобы мы все участвовали? Почему ты не хочешь снять сливки в одиночку? Или, по край-

ней мере, снять столько, сколько получится, а потом взять в долю еще пару богачей?

– Потому, – начал Карл, – потому что я не богач, да и среди вас таких мало. Да, я и впрямь мог бы откусить кусок побольше, и я заберу лишнее – если, конечно, что-то останется. Но когда я возвращался домой с этим проектом, то надеялся, что шанс поучаствовать получит каждый, а не только те, у кого есть деньги. Именно поэтому я и представлял себе все это как компанию с неограниченной имущественной ответственностью. Компания с неограниченной имущественной ответственностью предполагает, что совладельцем отеля каждый из вас сможет стать, ничего не потратив. Ни единого эре! – Карл ударил ладонью по кафедре.

Молчание. Я вполне способен был прочесть их мысли. «Что это за бредятина? Неужто пастор Арманд вернулся?»

Карл принес им Евангелие – благую весть о том, как можно приобрести, не потратившись. А они сидели и слушали мастера управления бизнесом.

– Это означает, – продолжал он, – что чем больше будет желающих участвовать, тем меньше риск для каждого из нас. И если участие примем мы все, то каждый из нас рискует лишь суммой, которая примерно равна стоимости машины. Ну, если машину покупать не у Виллумсена.

Смех. Сзади даже захлопали. Историю с «кадиллаком» знали все, и сейчас, похоже, никто не вспомнил, какая судьба ждала этот самый «кадиллак». Карл с улыбкой указал на

поднятую руку.

Встал мужчина. Высокий. Такой же высокий, как Карл. Я поглядел на Карла и понял, что тот лишь сейчас его узнал. И возможно, пожалел, что дал ему слово. Симон Нергард. Он открыл рот. Два передних зуба были белее остальных. Может, конечно, я и ошибаюсь, но, по-моему, когда он заговорил, я услышал посвистывание – это свистела его ноздря из-за того, что кости носа неправильно срослись.

– Этот отель построят на земле, которой владеете ты и твой брат... – Он умолк, чтобы смысл сказанного дошел до остальных.

– Так?.. – громко и уверенно спросил Карл. Думаю, кроме меня, никто не заметил, что говорит он чересчур громко и чересчур уверенно.

– ...поэтому неплохо бы знать, что вы за это хотите получить, – сказал Симон.

– Получить за это? – Не поднимая головы, Карл обвел взглядом собравшихся.

Все вновь затихли. Теперь – и понял это не только я – выглядело все так, будто Карл старается выиграть время. По крайней мере, Симон это тоже понял, потому что, когда он снова заговорил, в голосе его слышалось ликование:

– Возможно, мастеру управления понятнее будет, если я скажу: «цена».

Смешки. И тишина. Они выжидали. Собравшиеся подняли голову, словно звери на водопое, завидевшие льва, но ко-

гда лев этот еще находится на безопасном от них расстоянии.

Карл улыбнулся, склонился над документами и усмехнулся, как, бывает, смеются, когда кто-нибудь из односельчан сморозит глупость. Мой брат сложил документы в стопку и будто бы обдумывал, как правильное ответить. Но я кожей это чувствовал. Быстро оглядевшись, я осознал, что все остальные тоже это чувствуют. Что все решится именно сейчас. Спина передо мной сделалась еще прямее. Шеннон. А когда я опять посмотрел на кафедру, Карл перехватил мой взгляд. И в его глазах я увидел сожаление. Он проиграл. Облажался. И семью опозорил. Мы оба это знали. Никакого отеля он не получит. А у меня не будет заправки, по крайней мере сейчас уж точно, – участка и здания я не получу.

– Мы за это ничего не получим, – проговорил Карл, – участок мы с Роем предоставим бесплатно.

Сперва я не поверил собственным ушам. И судя по Симону, он тоже не поверил.

Но потом по залу прокатился шепот, и я понял, что остальные слышали то же, что и я. Некоторые захлопали.

– Ну будет, будет, – Карл поднял руки, – до цели нам еще далеко. Сейчас нужно собрать достаточное количество подписей на заявлении о намерениях – так администрация муниципалитета поймет, что мы все заодно, и увидит, что наш проект – не вымысел. Погодите, погодите!..

Но в зале уже бушевали овации. Хлопали все. Кроме Симона. И кажется, Виллумсена. И меня.

– Мне пришлось! – сказал Карл. – Тут уж рискуй, или проиграешь – ты разве не понял?

Я шагнул к машине, а он едва поспевал следом. Распахнув дверцу, я уселся за руль. Это Карл предложил, чтобы мы поехали сюда на моем «Вольво-240» стального цвета, а не на его дорожной тарантайке. Он еще и дверцу пассажирского сиденья не захлопнул, как я уже повернул ключ зажигания, надавил педаль газа и отпустил сцепление.

– Да, Рой, мать же твою!

– Это мою мать? – заорал я, поправляя зеркало. Дом культуры скрылся за поворотом. Шеннон на заднем сиденье испуганно смотрела на нас. – Ты обещал! Сказал, если они спросят про стоимость участка, ты им скажешь! Треплю ты!

– Рой, да пошевели мозгами! Ты же все видел – и не вздумай врать, я как посмотрел на тебя, понял, что ты все видишь. Я, конечно, мог взять и сказать: а, ну да, Симон, если уж ты спросил, то скажу честно – за этот кусок скалы мы с Роем получим сорок миллионов, – и тогда прощай отель. Уж на заправку тебе точно денег не хватило бы.

– Ты соврал!

– Соврал, да. И поэтому у тебя по-прежнему есть возможность купить заправку.

– Какая, на хер, возможность? – Я поддал газу, чувствуя, как колеса вгрызаются в гравий. Мы повернули на шоссе. Застрывшие в шинах камешки заскрипели по асфальту, а с зад-

него сиденья послышался испуганный крик. – Это через десять лет, что ли, когда отель начнет хоть как-то окупаться? – Я вжал педаль газа в пол. – Проблема в том, Карл, что ты наврал! Наврал и отдал им участок – мой участок – бесплатно!

– Возможность у тебя появится не через десять лет, а самое позднее – через год, башка твоя тупая.

«Тупая башка» – это для нас с Карлом почти что ласково, поэтому я понял, что он запросил перемирия.

– С какой стати через год-то?

– Тогда мы начнем продавать участки под дачи.

– Участки под дачи? – Я ударил по рулю. – Господи, Карл, да забудь ты про эти дачи! Ты разве не слыхал, что власти запретили строительство дач?

– Да ладно?

– Да! Муниципалитету от этих дач одни расходы.

– Разве?

– Ну ясное дело! Дачники платят налоги по месту жительства, а если они приезжают сюда в среднем шесть раз за год на выходные, то денег приносят мало, зато расходов не оберешься. Вода, канализация, вывоз мусора, уборка снега. Ко мне дачники заезжают заправиться и перекусить, и заправке от этого прибыль, и еще нескольким магазинам, но для муниципалитета это капля в море.

– Но я этого и правда не знал.

Я искоса взглянул на него, и он ухмыльнулся в ответ – вот зараза, естественно, все он знал.

– С муниципалитетом поступим так, – заговорил Карл, – продадим им теплые постели. Вместо холодных.

– В смысле?

– Дачи – это холодные постели, девять из десяти выходных они пустуют. Отели – это постели теплые. В них круглый год спят гости, которые оставляют деньги, но убытков за ними нет. Теплые постели – голубая мечта любого региона. Они забудут все свои запреты на строительство и еще упрашивать тебя будут, чтобы ты тут что-нибудь построил. Так обстоят дела в Канаде, и тут все так же. Но мы с тобой заколачивать деньги будем не на отеле. Мы начнем продавать участки под дачи. А мы начнем – это точно, потому что местным властям предложим сделку тридцать – семьдесят.

– Тридцать – семьдесят?

– Мы им отдадим тридцать процентов теплых постелей, а взамен попросим разрешение на строительство семидесяти процентов холодных.

Я сбавил скорость.

– Вон оно что. И по-твоему, у нас получится?

– Обычно они соглашаются, если все наоборот – семьдесят процентов теплых постелей против тридцати холодных. Но представь, что на следующей неделе будет происходить в администрации муниципалитета. Они как раз сядут обсуждать, что станется с деревней после того, как шоссе перестроят, а тут я и подоспею с проектом отеля – это притом, что вся деревня решила, что отель нам нужен. А они посмотрят

на кресло, где сидит Авраам Линкольн – смотрит и одобрительно кивает.

Линкольном папа называл Ю Оса. Да, я все это живо себе представлял. Да они тогда Карлу все, что ни попроси, отдадут.

Я взглянул в зеркало:

– Что скажешь?

– Что я скажу? – Брови у Шеннон поползли вверх. – Скажу, что ты водишь, как чокнутый придурок.

Ее глаза встретились с моими. И нас разобрал смех. Вскоре мы уже смеялись втроем, а я так хохотал, что Карл положил руку на руль и рулил за меня. Отсмеявшись, я снова взялся за руль, сбавил скорость и свернул на серпантин, поднимающийся к нашей ферме.

– Смотрите, – сказала Шеннон.

Мы посмотрели.

Дорогу перегораживала машина с мигалкой. Мы чуть притормозили, и свет передних фар выхватил фигуру Курта Ольсена – скрестив на груди руки, он стоял, облокотившись на свой «лендровер».

Окончательно я затормозил, лишь когда бампер почти уперся ему в коленки. Но Ольсен и бровью не повел. Он подошел к моей дверце, и я опустил стекло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.